

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агафонова Е.С., Грекова Ю.М., Каркавина О.В.</i> Использование фразеологических единиц и основные приемы их преобразования в газетных заголовках современных англоязычных печатных изданий.	4
<i>Аруноаст П.</i> Относительные прилагательные при лексеме «интеллект» в современных российских СМИ: функционально-семантический аспект. ...	8
<i>Богатырёва В.Н.</i> Журналистика погружения глазами зарубежных исследователей: морально-этический аспект.	12
<i>Бондаренко М.Ю. Комарова Н.И.</i> Сравнительный анализ российских и американских криминально-правовых телевизионных программ.	16
<i>Глазунова И.А.</i> Участие СМИ в развитии двусторонних отношений между Россией и Китаем.	19
<i>Каркавина О.В., Карнаухова А.О.</i> Роль изображения в смысловой структуре креолизованных публицистических текстов.	22
<i>Каркавина О.В., Ращенцева Е.Е.</i> Роль социальных сетей в создании имиджа Алтайского края.	28
<i>Карпухина В.Н.</i> Двуязычная публицистика Г.Д. Гребенщикова: проблема автоперевода.	32
<i>Комаренко И.А., Наумова М.С.</i> Англицизмы в гейм-терминологии.	37
<i>Краскова О.Д., Наумова М.С.</i> Глоттохронология: история развития.	42
<i>Кузнецов Н.М., Синельников Д.П.</i> Освещение деятельности посла США в России отечественными СМИ (на примере Д. Хантсмана).	45
<i>Мансков А.А.</i> Аллюзии на легенды о короле Артуре и рыцарях круглого стола в новелле С.Д. Кржижановского «Соната «Death's door».	49
<i>Митчелл А., Савочкина Е.А.</i> Шотландский язык scots в шотландской прессе.	57
<i>Осокина С.А.</i> Проблемы лингвоэкологии в аспекте теории языка.	60
<i>Саланина О.С.</i> Роль редактирования при использовании машинного перевода текстов СМИ.	65
<i>Фадеева А.В.</i> Особенности межкультурной коммуникации в реализации концепции soft-power: кейс Южной Кореи.	71
<i>Чжсан Юньфэй, Хуэй Хуэй.</i> Великий брандмауэр Китая.	74
<i>Широких И.А.</i> Интертекст в выступлениях политических лидеров.	77
<i>Anna Balestrieri.</i> Russian-Jewish press in the emigration: the case of “Rassvet” (Berlin-Paris 1922-1934).	81
<i>Barrett J., Mitchell A.</i> Elgin’s Love-gift: Civil War in Scotland and the Depositions of 1646.	84
<i>Dyachenko I.N., Matychenko Yu.V.</i> On psycholinguistic aspects of machine translation.	90
<i>Myakisheva R.A., Osokina S.A.</i> Youth slang and its adaptation in Russian social media.	93

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Агафонова Е.С., Грекова Ю.М., Каркавина О.В.

Алтайский государственный университет

г. Барнаул (Россия)

Аннотация: Статья посвящена описанию основных видов трансформаций фразеологических оборотов в составе заголовков современных британских и американских печатных изданий. Выделяются четыре вида трансформаций: семантические, лексические, синтаксические, морфологические. Описывается стилистический и экспрессивный потенциал трансформаций, исследуются их основные лингвистические механизмы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, газетный заголовок, трансформация, публицистический стиль, выразительность.

Abstract: The article is devoted to the description of the main types of transformations of phraseological units in the headlines of modern British and American printed publications. There are four types of transformations: semantic, lexical, syntactic, morphological. The stylistic and expressive potential of transformations is described; their main linguistic mechanisms are investigated.

Key words: phraseological unit, newspaper headline, transformation, publicistic style, expressiveness.

Фразеологическими единицами являются «устойчивые» словесные комплексы, противопоставляемые «свободным» синтаксическим словосочетаниям как готовые языковые образования, не создаваемые, а лишь воспроизводимые в процессе речи [Амосова 1963:4].

Заголовки материалов в периодике – один из важнейших её элементов. От их характера и оформления во многом зависит “лицо” издания. Заголовки помогают читателю ознакомиться с номером, быстро получить представление о содержании его материалов, выбрать главное и интересное, дать представление о теме. Газетный заголовок представляет собой важный компонент газетной информации. Его основной целью является привлечение внимания читателя к наиболее важной и интересной части сообщения. Заголовок, как правило, не раскрывает до конца содержание статьи, стимулируя читателя ознакомиться с предложенным материалом. Чтобы выполнить своё основное предназначение, то есть заинтересовать и заинтриговать читателя, заголовок должен быть максимально броским и запоминающимся. Этому способствует, в частности, использование в его составе фразеологических оборотов.

В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами [Шанский 1985:149].

Чаще всего под трансформацией понимается «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [Гусейнова 1997:7].

Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: Н.М. Шанского, Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова и др. Проанализировав классификации различных авторов, можно сделать вывод о том, что лингвисты не имеют единого взгляда на способы трансформации фразеологических единиц. Классификации значительно отличаются друг от друга. Это свидетельствует о недостаточной изученности вопроса трансформации фразеологизмов в лингвистике, что делает настоящее исследование актуальным.

Обобщив существующие классификации, можно выделить 4 основные группы фразеологических трансформаций:

1. семантические трансформации
2. лексические трансформации
3. синтаксические трансформации
4. морфологические трансформации

При *семантических* трансформациях происходит наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности.

При *лексических* трансформациях семантика фразеологизма может приобретать новые смысловые оттенки в результате более или менее существенных изменений в компонентном составе фразеологических единиц, при этом синтаксическая структура фразеологизма остаётся без изменений: она не удлиняется и не укорачивается. К данному типу трансформаций относят приёмы замены и перестановки компонентов фразеологических единиц.

Наиболее многочисленны и разнообразны *синтаксические* трансформации фразеологических единиц, которые приводят к удлинению, укорачиванию или изменению синтаксической структуры фразеологизма. К данному типу трансформаций относят: редукцию (эллипсис), добавление (вклинивание) компонентов, изменение коммуникативного типа предложения, парцелляцию, контаминацию, аллюзию.

К *морфологическим* трансформациям относятся изменения в грамматическом аспекте фразеологического значения. Окказиональные морфологические изменения затрагивают все части речи, и каждый раз это ведёт к преобразованию семантики. В данном случае речь идёт о модификации артиклей, числа существительных, форм степеней сравнения прилагательных, временных форм глаголов.

Словообразовательные трансформации компонентов фразеологической единицы весьма ограничены и не отличаются разнообразием. Чаще всего это лишь прибавление словообразовательных аффиксов.

В данной публикации представлены результаты исследования газетных заголовков, имеющих в своем составе трансформированные фразеологические

обороты, следующих англоязычных печатных изданий: The Times, The Financial Times, Daily Mail, International Herald Tribune.

Как показало исследование, наиболее распространенными видами трансформаций фразеологических единиц в современных англоязычных газетах являются лексические и синтаксические трансформации. Среди синтаксических трансформаций наиболее частотными являются случаи вклинивания компонентов и редукции, а также использование авторами в заголовках аллюзии.

Рассмотрим данные виды трансформаций более подробно.

Заголовок *Everybody and his grandmother?* содержит сразу два вида трансформации: 1) изменение коммуникативного типа, предполагающее преобразование повествовательного предложения в вопросительное, и 2) лексическую трансформацию, которая осуществляется путем замены компонента фразеологической единицы. Словарная форма данной фразеологической единицы – *everybody and his mother*. Она используется тогда, когда речь идет о большом скоплении людей. В статье с данным заголовком речь идет о рынке живописи, а именно о таком явлении, как консультант по приобретению картин. Автор сожалеет о том, что количество такого рода консультантов необоснованно выросло. Зачастую это люди, не имеющие достаточных знаний и квалификации. Замена традиционного компонента *mother* на лексему *grandmother* еще в большей степени усиливает гиперболический эффект фразеологизма.

Редукция – это сокращение структуры фразеологической единицы, опущение значимых элементов. В большинстве случаев во фразеологических единицах со структурой словосочетания опускается глагол, так как он, будучи структурным стержнем глагольных фразеологизмов, не несет основной тематической нагрузки, и, следовательно, его редукция не представляет опасности для семантики фразеологизма. Заголовок *The Republicans' deaf ear is a preexisting condition* содержит словосочетание *deaf ear*, которое является частью фразеологической единицы *to fall on deaf ears* (пропустить мимо ушей, игнорировать). Кроме того, в данном заголовке представлен и случай морфологической трансформации: замена множественного числа существительного *ears* единственным.

Заголовок *He can swim like several fishes!* является примером расширения фразеологического оборота *to swim like a fish* и подчеркивает неординарные способности спортсмена-пловца.

Парцелляция представляет собой особый приём преобразования фразеологической единицы, заключающийся в том, что элементы фразеологизма разделяются запятой или точкой. Этот приём используется для усиления экспрессивности фразеологической единицы, хотя используется он нечасто. Парцелляцией особо выделяется и подчёркивается наиболее важная информация: например, *They welcomed the law. With open arms.*

Заголовок *New money for old faces* содержит аллюзию к фразеологической единице *Money for old rope* со словарным значением «легкие деньги,

полученные ни за что». Данный фразеологический оборот появился при следующих обстоятельствах. Люди платили деньги палачу за то, чтобы он отрезал им кусок старой веревки, которая использовалась для казни людей через повешение. Считалось, что она приносит удачу. В статье под названием New money for old faces говорится о возрождении интереса со стороны коллекционеров к портретной живописи эпохи королевы Елизаветы. Подчеркивается тот факт, что люди стали готовы платить большие деньги за то, что раньше им было не интересно, то, что раньше не пользовалось спросом.

Следует отметить, что применение аллюзии в газетных заголовках имеет свою специфику. Во-первых, от автора требуется языковое мастерство для того, чтобы искусно «завуалировать» ту или иную паремию. Во-вторых, с использованием аллюзии связан определенный риск, ведь адекватное декодирование смысла полностью зависит от читательской осведомленности и уровня кругозора. С другой стороны, эффект от этого приема может быть особенно ярким и сильным, ведь читатель, разгадав намек автора, получает эмоциональный заряд, удовлетворение от осуществленной мыслительной работы.

Итак, фразеологические обороты являются обязательным стилистическим компонентом языка газеты, важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности, существенным средством реализации конструктивно-стилевых особенностей газетной речи. Они придают газетному тексту определенную воздействующую силу, помогают создавать специфическую образность. Фразеологические обороты как в непреобразованном, так и в трансформированном виде способны выразить не только соответствующую мысль более емко, но и передать авторскую оценку описываемым событиям.

Литература

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963.
2. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии. – Махачкала, 1997.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1985.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ПРИ ЛЕКСЕМЕ «ИНТЕЛЛЕКТ» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аруноаст П.

*Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация: Данная статья направлена на выявлении особенностей семантики и функционирования лексемы «интеллект» и ее взаимоотношении с многими относительными прилагательными в современных российских СМИ. Это позволяет представить смысловые оттенки значения данной лексемы в русской языковой картине мира. Оно предназначено особенно иностранным студентам, изучающим не только русский язык, но и русскую культуру.

Ключевые слова: относительные прилагательные, лексема, интеллект, современные российские СМИ, функционально-семантический аспект

Abstract: this article is aimed at identifying the characteristics of semantics and function of lexeme “intelligence” and its relationship with many descriptive adjectives in modern Russian mass media. It provides the representation of the semantic nuances of these lexeme in Russian picture of the world. It also was designed especially for foreign student, studying not only Russian language, but also Russian culture.

Key words: descriptive adjectives, lexeme, intelligence, modern Russian mass media, functional and semantic aspect

Функционально-семантический подход, как правило, основывается на изучения языковых явлений в конкретной контекстной ситуации, и является инструментом выражения смысловых оттенков значения той или иной лексемы, в том числе исследуемой лексемы «интеллект». Одной из основных функций языка, по мнению Майкла Халлидея (Michael Halliday), является «дискурсивная или текстовая, определяющая соединение языка с ситуацией, в которой он используется и позволяет владеющему языком создавать текст» [Аржанова 2008: 117]. Как отмечает А. В. Бондарко, функция может рассматриваться в потенциальном и результативном аспектах: «функция в потенциальном аспекте – это присущая той или иной единице в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию. Функция в результативном аспекте – результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой, т. е. назначение как достигнутая в речи цель» [Бондарко 1987: 17].

Объектом нашего исследования являются имя существительное «интеллект» и его представленные в СМИ относительные прилагательные. Цель исследования заключается в обосновании функционально-семантического подхода к изучению отношения между существительным «интеллект» и

указанными относительными прилагательными в дискурсе СМИ и выявлению особенностей выявленных отношений. Эмпирической базой обсуждаемой темы являются материалы (800 контекстов) из современных российских СМИ, вошедшие в Национальный корпус русского языка, а именно в газетный корпус начиная с 2013 года.

По толковому словарю русского языка слово *интеллект* обозначает «мыслительная способность человека; рассудок, разум» [БАС 2007: 310]. В контекстах употребления лексемы «интеллект» в современных российских СМИ обнаруживается тот факт, что среди относительных прилагательных при лексеме «интеллект» представлены следующие лексико-семантические группы: неживой интеллект, живой интеллект и смешанная группа интеллектов.

Под неживым интеллектом подразумевается интеллект машины и технологии (*искусственный, сетевой, компьютерный*) и абстрактный интеллект (*межзвездный*). Например, «*Третьим направлением вполне могут стать информационные технологии. Компьютерный интеллект. В области программирования, математики мы можем быть второй или даже первой страной в мире, если уделим внимание нашей фундаментальной науке*» (Труд-7; 10.04.2002); «*В одной из своих книг вы пишете, что, быть может, существует межзвездный интеллект, или космический разум*» (Труд-7; 23.12.2004).

Следует заметить, что словосочетание «искусственный интеллект» занимает первое место по частотности употребления. относительных прилагательных при лексеме «интеллект», что обусловлено актуальностью указанной темы. в среде ученых и простых людей. в XXI, т.к. существование искусственного интеллекта влияет. на все человечество. С точки зрения аксиологического характера искусственного интеллекта отмечается, с одной стороны, его позитивная оценка: «*Иискусственный интеллект убирает территорию, присматривает за маленькими детьми, занимается патрулированием, дает справочную информацию на четырех языках, танцует и даже играет на духовых инструментах*» (РИА Новости; 06.04.2005). С другой стороны, существует отрицательная оценка: «*Таким образом, несмотря на то что искусственный интеллект еще недостаточно развит, восстание машин, о котором нас предупреждала франшиза «Терминатор», уже началось*» (Известия; 07.11.2012).

Под живым интеллектом понимается интеллект человека (*человеческий, женский, сексуальный*), интеллект как внутренняя составляющая человека (*эмоциональный, духовный, жалкий*), интеллект в профессиональной деятельности (*творческий, музыкальный, футбольный, хоккейный*), а также другие интеллектуальные способности человека и животных (*природный, собственный, отечественный*).

В данной группе эмоциональный интеллект и человеческий интеллект занимают второе и третье место подряд по частотности употребления относительных прилагательных при лексеме «интеллект». Человеческий интеллект обладает наибольшим количеством. оттенков значения и выполняет

различные функции. в сферах человеческой деятельности. Например, «Выходит, что человеческий интеллект не является единой сущностью, а формируется из множества компонентов, – объяснял руководитель исследования профессор Адриан Оуэн» (Комсомольская правда; 07.02.2013). При наличии разнообразных умственных способностей дается положительная оценка, при их отсутствии. – отрицательная. Благодаря эмоциональному интеллекту в обществе люди смогут понимать друг друга. Например, *Куда важнее обладать коммуникативными навыками и способностью к эмпатии, что в целом составляет понятие «эмоциональный интеллект»* (Труд-7; 28.05.2010).

Смешанная группа представляет собой взаимодействие между интеллектами людей, машины и интернета (независимый): «Если связать их должным образом, сможет ли в результате такого объединения появиться новый и совершенно независимый интеллект?» (Комсомольская правда; 05.04.2012); «Между тем в погоне за искусственным интеллектом начинает претерпевать изменения и интеллект человеческий» (РБК Daily; 07.11.2006); «Индустрия роботов развивается такими скорыми темпами, что уже к 2050 году искусственный интеллект превзойдет разум человека, считают ученые-футуристы» (РИА Новости; 26.08.2008).

Таким образом, рассматривая относительные прилагательные при лексеме «интеллект», можем представить следующие лексико-семантические группы: неживой интеллект, живой интеллект и смешанная группа интеллектов. Словосочетание «искусственный интеллект» занимает первое место по частотности употребления относительных прилагательных при лексеме «интеллект», что показывается актуальностью темы интеллектуальной особенности в современных российских СМИ. С точки зрения лексико-семантического значения при контекстах СМИ, интеллект представляет собой не только какую-либо определенную способность, умения, навыки человека или машины, но и группу людей, живущих на определенной территории, и их патриотизм.

Таблица: Относительные прилагательных при лексеме «интеллект»

лексико-семантические группы интеллекта		примеры относительных прилагательных	частотность употребления
неживой интеллект.	интеллект машины и технологии.	<i>искусственный.</i> <i>сетевой.</i> <i>компьютерный.</i> <i>сверхчеловеческий.</i> <i>небиологический.</i> <i>глобальный.</i>	66 1 1 1 1 1
	абстрактный интеллект.	<i>межзвездный</i>	1

живой интеллект	интеллект человека.	<i>человеческий</i> <i>женский</i> <i>сексуальный.</i> <i>детский.</i>	8 4 1 1
	интеллект в сфере внутренней составляющей человека.	<i>эмоциональный</i> <i>духовный</i>	13 1
	интеллект в профессиональной деятельности человека.	<i>футбольный</i> <i>хоккейный</i> <i>баскетбольный</i> <i>тренерский</i> <i>игровой</i> <i>творческий</i> <i>фантастический</i> <i>музыкальный</i> <i>писательский</i>	3 1 1 1 1 2 1 1 1
	другие. интеллектуальные способности человека и животных.	<i>природный.</i> <i>собственный.</i> <i>русскоязычный.</i> <i>аналитический.</i> <i>адаптивный.</i> <i>настоящий.</i> <i>отечественный</i> <i>социальный.</i>	5 4 1 1 1 1 1 1
	Смешанная группа	взаимосвязь между интеллектом человека и интеллектом машины.	<i>независимый</i> <i>искусственный и</i> <i>человеческий.</i>

Литература

1. Аржанова И.А., Дискурсивная функция высказывания в функциональном аспекте // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С.117–118.
2. БАС - Большой академический словарь русского языка. М., 2007. т. 7. – 660 с.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. – 348 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.11.2018).

ЖУРНАЛИСТИКА ПОГРУЖЕНИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Богатырёва В.Н.
САФУ им. М.В. Ломоносова
г. Архангельск (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы регулирования моральных и этических норм, как важная и до сих пор нерешённая проблема в журналистской практике: какие морально-этические вопросы необходимо решать создателем виртуального контента, на какие уже известные принципы журналистской этики нужно опираться, а что, наоборот, нового необходимо предпринять в связи с отсутствием специализированных регламентирующих этических кодексов для данного направления в журналистике.

Ключевые слова: журналистика погружения, виртуальная реальность, этика, мораль, VR-контент.

Abstract: The article deals with the regulation of moral and ethical standards as an important and still unsolved problem in journalistic practice: what moral and ethical issues should be solved by the Creator of virtual content, what already known principles of journalistic ethics should be based on, and what, on the contrary, new should be done in the absence of specialized regulatory ethical codes for this direction in journalism.

Key words: immersive journalism, virtual reality, ethics, morality, VR content.

Считается, что такое направление журналистики, как иммерсивная, зародилось в США. Существенный вклад в создание направления сделала Нонни де ла Пенья, американский журналист и режиссер-документалист. Согласно де ла Пенье, журналистика погружения – это «производство новостей, документальных и публицистических историй с помощью использования игровых платформ и виртуальной среды в форме, благодаря которой люди получают опыт от первого лица о событиях и ситуациях, описанных в этих новостях (историях)» [1].

В связи с отсутствием системы регулирования моральных и этических норм для журналистских материалов с использованием технологий виртуальной реальности, в научных исследованиях всё чаще ведутся дискуссии по данной теме. Исследователи, в первую очередь, выделяют риск пренебрежения таким принципом журналистской этики, как достоверность информации. «Этичный journalism должен быть точным и правдивым», – написано в Кодексе этических норм Общества профессиональных журналистов [10].

К примеру, в VR-проекте The Guardian о беженцах под названием «Limbo: A virtual experience of waiting for asylum» используются технологии 3D-сканирования для создания монохромного изображения, что существенно

искажает восприятие реальности [8]. А первая часть проекта центра Alzheimer's Research UK «A Walk Through Dementia» сделана с использованием CGI-графики, что само по себе является прямым искажением реальности [5]. При этом во всех трёх частях образ героини с синдромом деменции не имеет материального воплощения: зритель слышит лишь её голос, но не видит её реакцию, а из-за отсутствия рук предметы самостоятельно витают в воздухе.

Таким образом, в журналистике погружения грань между объективностью и субъективностью достаточно расплывчатая: создание виртуального мира, в который погружается участник, может породить всевозможный потенциал для предвзятости и затенения историй, чего не могут стандартные печатные издания или видеожурналистика [4]. Некоторые также считают VR средством симуляции, а не репрезентации действительности [3]. В случае проектов, основанных на компьютерной графике – искусственных изображениях, заменяющих реальность, подобно видеоиграм – вопрос об искажении реальности стоит намного острее, ведь подобная реконструкция событий не полностью соответствует физической среде [9].

Однако, как отмечает Нонни де ла Пенья, цель иммерсивной журналистики – не исключительно представить факты, а скорее возможность узнать факты. Что касается соблюдения степени, в которой отчетность соответствует действительности, это является основной проблемой в любой журналистике. При всем этом VR-контент не сильно отстает в доверии, чем привычный аудиовизуальный контент, который также подвергается манипуляциям, коррекции, редактированию. Что касается телевидения, по её мнению, двухмерные экраны вводят в заблуждение больше, чем 3D форматы: зрители просматривают и прослушивают информацию с низким разрешением, выборкой, дубликатом реальности, которая не удовлетворяет всем чувствам. В этом смысле традиционные СМИ могут претендовать на еще большую амортизацию и недооценку реальности, чем журналистика погружения [1].

Следующее, на что обращают внимания исследователи, - работа с источником информации. Том Кент, профессор факультета журналистики Колумбийского университета, пишет, что зрители должны знать, как производители виртуальной реальности воссоздали события, что было сделано, чтобы гарантировать их подлинность и какая часть может быть предположением [7], ведь «общественность имеет право получать как можно больше информации и иметь возможность самостоятельно оценивать надёжность и мотивы источников» [10]. То есть журналисты должны предварительного раскрывать источники и уведомлять аудитории о возможном искажении той или иной информации [7]. К примеру, в VR-истории The Guardian «The Party: a virtual experience of autism» разработчики отмечают, что сценарий истории был написан писательницей Сумитой Мажумдар, которая страдает РАС. Её голос вместе с голосами других женщин с данным расстройством зритель может услышать в конце видеоролика [11]. Таким образом, данная история была воссоздана на основе опыта реальных людей, и зрители непосредственно узнают об этом.

Ещё один принцип: журналист обязан «признавать, что простые граждане имеют больше прав на защиту частной жизни, только крайняя общественная необходимость может стать оправданием для вмешательства в частную жизнь другого лица» [10]. Дэвид Кон, адъюнкт-профессор в Высшей школе журналистики Калифорнийского университета в Беркли, задаётся острыми вопросом: «Насколько близко дрон должен добраться до места катастрофы, когда люди активно оплакивают?». Он пишет, что нужно относиться к людям с достоинством и уважением их права на неприкосновенность частной жизни [6].

И, вытекающий из предыдущего принципа, ещё один из самых острых моментов – степень допустимости показа насилия, человеческого горя и других ужасающих сцен в транслируемых событиях: «быть особенно чутким при сборе информации к тем, кого непосредственно затронули трагедия или горе, отдавать себе отчет в том, что сбор и публикация информации могут нанести вред и причинить боль» [10]. Например, в проекте The New York Times под названием «We Who Ramain» есть две травмирующих сцены: как люди бегут со страхом в глазах от бомбардировщиков, и как женщина сидит в полном отчаяния. Последний кадр снят очень близко, что также не этично с точки зрения отношения к людям, испытавшим горе [12].

Бенджамин Маллин в статье, опубликованной на сайте Института Пойнтера, пишет о том, что виртуальная реальность сопровождается профессиональными коллизиями в журналистике: насколько допустимо подвергать зрителя откровенным или травмирующим психику сценам, ведь, например, батальная сцена может сделать зрителя центром перестрелке, создав болезненную интимность с ужасами войны. Это похоже на тонкости в фоторепортаже, однако сцены VR – более спонтанны, их практически невозможно смягчить, соответственно, они более рискованны. Он считает, что необходимо деликатно обрабатывать травмирующие и интимные изображения [9]. Холлис Кул из Стэнфордского университета. Он апеллирует к комментариям пользователей под проектами «The New York Times», которые, по его мнению, выражают разочарование тем, что новая иммерсивная среда тривиализирует реальность своим вуайеризмом. Как говорит один комментатор: «Эти настоящие люди на этих «практически настоящих» фотографиях - не объекты, чтобы плятиться с жалостью» [2]. Том Кент пишет, что необходимо предупреждать аудиторию о ужасном или пугающем контенте, как это делала Нонни де ла Пенья [7].

Резюмируя всё высказанное, можно сделать вывод, что существует множество этических вопросов, которые необходимо тщательно обсудить журналистскому сообществу и широкой общественности. Некоторые из них являются совершенно новыми и требуют более глубокого понимания новой цифровой среды и влияния новой технологии, в частности. В первую очередь, для того, чтобы иммерсивная журналистика функционировала должным образом, журналисты должны быть в курсе новых разработок в своей области и более тщательно обсуждать такие проекты между собой и с другими специалистами, чтобы выяснить этические последствия [4]. Однако отметим,

что сейчас нет абсолютно чистых технологических решений и многие названные современными исследователями морально-этические риски относятся к любой журналистике, независимо от технологической составляющей. Поэтому определяющим фактором является сам журналист, его соблюдение профессиональным этическими норм.

Литература

1. De la Peña N., Weil P., Llobera J., Giannopoulos E., Pomés A., Spanlang B. Immersive Journalism: Immersive Virtual Reality for the First-Person Experience of News / Presence, Vol. 19, № 4. — 291–301
2. Kool H. The Ethics of Immersive Journalism: A rhetorical analysis of news storytelling with virtual reality technology / Intersect. Vol 9, No 3, 2016. — 120-131.
3. Nash K. Virtual reality witness: exploring the ethics of mediated presence / Studies in Documentary Film. Vol. 12. №2, 2018. — 119-131
4. Zankova B., Školkay A., Franklin I. Smart journalism / Lulu, 2016. — 196 c.

Электронные ресурсы

5. A Walk Through Dementia - at the supermarket. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=32&v=TaeNgo8bR2k
6. Cohn D. The Ethics of Virtual Reality Storytelling. URL: <https://medium.com/thoughts-on-media/the-ethics-of-virtual-reality-storytelling-7ff84b2a5812>
7. Kent T. An ethical reality check for virtual reality journalism. URL: <https://medium.com/@tjrkent/an-ethical-reality-check-for-virtual-reality-journalism-8e5230673507>
8. Limbo: A virtual experience of waiting for asylum. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AyWLvrWBKHA&list=LLW0Ijn74w4rIvSj-NHNR9SA&index=1>
9. Mullin B. Virtual reality: A new frontier in journalism ethics. URL: <https://www.poynter.org/ethics-trust/2016/virtual-reality-the-next-frontier-in-journalism-ethics/>
10. SPJ Code of Ethics, 1996, Revised September 6, 2014. CT at SPJ's National Convention in Nashville, Tenn. URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp>
11. The Party: a virtual experience of autism. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OtwOz1GVkDg&list=LLW0Ijn74w4rIvSj-NHNR9SA&index=39&t=24s> (Дата обращения: 03.05.2019)
12. We Who Remain. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d04n6aE8FOk&list=LLW0Ijn74w4rIvSj-NHNR9SA&index=16&t=7s>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ КРИМИНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММ

*Бондаренко М.Ю. Комарова Н.И.
Московский финансово юридический университет
г. Москва (Россия)*

Аннотация: Криминальная журналистика является важной частью телевидения. В России, как и Америке, существуют множество различных телевизионных программ, транслирующих криминальные новости. Они имеют общие цели – информирование и моральное воспитание граждан, но существуют так же и серьезные различия.

Ключевые слова: криминальные новости, журналистское расследование, американское телевидение, правовая программа, преступления.

Abstract: Criminal journalism is an important part of television. In Russia, like in America, there are many different television programs which broadcast crime news. They have common purposes - informing and moral education of citizens, but there are also serious differences.

Key words: criminal news, journalistic investigation, American television, legal program, crimes.

В наши дни криминальные новости плотно вошли в сетку вещания практически всех телеканалов во всем мире. Коррупция, автоаварии, мошенничество, убийства стали такой же частью жизни людей, как экономика и политика. В связи с этим, в последние десятилетия стала активно развиваться криминальная журналистика. В нашей стране после официальной отмены идеологии и сопутствующей ей системы морально-нравственных декларируемых ограничений, публичный показ нарушений правопорядка и соответствующая социальная оценка является формой общественного регулирования.

Не существует точного определения, что же такое криминальная журналистика. Принято считать, что к ней относятся новости, репортажи, статьи, расследования, связанные с уголовными делами, правонарушениями и преступлениями [Долгина Е.С., Ситникова М.Ю. 2015: 4]. Главной целью криминальной журналистики помимо информирования населения о совершенных преступлениях, выступает прежде всего моральное воспитание аудитории. Правовые программы стараются предостеречь людей от совершения ошибок, за которые можно серьезно поплатиться.

Впервые с криминальной журналистикой российский зритель познакомился 23 декабря 1987 года, когда на экраны вышла передача «600 секунд». В ней ведущий рассказывал о том, что происходило в Ленинграде (Санкт-Петербурге) за день, показывал сюжеты о коррупции чиновников,

критиковал депутатов Ленсовета. Передача имела колоссальный зрительский рейтинг и стала одним из символов Перестройки.

В США же «кровавые» новости появились значительно раньше. В 1830-1840-х годах в Америке обострилась конкурентная борьба за читательскую аудиторию. В те времена сенсация играла слишком большую роль в подаче новостей. Сканальная и криминальная хроника заполнили практически все газетные полосы. Самой раскупаемой стала газета «The New York Herald» («Нью-Йорк Геральд»). Ее основатель журналист Джеймс Гордон Беннет любил углубляться в детали кровавых убийств и распространять сплетни, связанные сексуальными скандалами [Энциклопедия Кльера. ГАЗЕТА: 6].

В настоящее время криминальная журналистика, можно сказать, достигла своего пика. СМИ выработали стабильную концепцию работы с аудиторией и криминальные новости перестают шокировать людей.

Одной из популярных информационно-правовых программ на российском телевидении является программа «Вести. Дежурная часть», которая сейчас выходит на телеканале Россия 24. Начала свое существование 1 июля 2002 года на телеканале РТР (Россия 1). Первоначально выходила один раз по утрам чаще всего перед программой «Вести». Сейчас же программа имеет два полноценных получасовых выпуска каждый день и один итоговый сорокаминутный выпуск по субботам. В ней корреспонденты освещают огромный спектр проблем, с которыми сталкивается человек каждый день. Персонажами репортажей становятся как нарушители закона – убийцы, коррупционеры, воры, мошенники, так и обычные люди, которые пострадали от преступников. В сюжетах можно увидеть работу корреспондентов и сотрудников МВД, Следственных комитетов, комментарии на правовую тему ведущих специалистов страны. С 2008 года программа «Вести. Дежурная часть» так же выходит во многих регионах нашей страны. С помощью работы журналистов местных ГТРК люди узнают новости о своей области или крае. Такой подход позволяет репортерам детальнее разобраться в тех или иных преступлениях. Благодаря этому телезрителю предоставляется полная и качественная информация [Вести. Дежурная часть: 3].

По данным FCC (Федеральной комиссии по связи в США) американское телевидение – самое жестокое в мире. Около 60% телепрограмм содержат насилие, и только 4% из них подчёркивают тему борьбы с ним [The Federal Communications Commission: 2]. Однако, в настоящее время на популярных американских телеканалах аналога программы «Вести. Дежурная часть» нет. Возможно, похожие программы существуют на небольших региональных телеканалах, но они менее рейтинговые и обнаружить их не удалось. В основном криминальные новости входят в состав обычных каждодневных новостей. Но они существенно отличаются подачей информации от российских.

Главное в американских новостях – эффективность и масштабность. Например, если случается погоня за преступником, или вооруженное нападение, то на такие случаи у журналистов имеются собственные вертолеты.

Благодаря им корреспонденты более оперативны и мобильны и могут прибыть на место преступления в считанные минуты. Такие съёмки всегда красочные и приковывают зрителей к телевизорам, что в свою очередь способствует колоссальному поднятию рейтингов телеканала. Из-за того, что телевидение США является самым синдицированным (продажа права показа одних и тех же телевизионных передач сразу нескольким вещателям) в мире, оно имеет огромное финансовое спонсирование. Отсюда и большее количество репортёров, новейшей съемочной техники и средств передвижения, чем в России.

Так же в США очень популярны расследовательские криминальные программы. Одной из самых знаменитых является программа «Dateline» («Дейтлайн») на телеканале NBC. Первоначально она выходила в эфир как новостной журнал о криминальных новостях. Сейчас же программа показывает настоящие сенсационные расследования о реальных совершенных преступлениях и историях. Одной теме посвящен один выпуск телепередачи. На «Dateline» («Дейтлайн») даже регулярно появлялся известный мошенник Стив Комисар. Он выступал в качестве эксперта по предотвращению мошенничества. Самый известный расследовательский блок программы «Dateline» («Дейтлайн») – «To Catch a Predator» (Поймать хищника). В нем журналист Крис Хансен организовывал фиктивную встречу взрослых с подростками возраста 12-15 лет. Людей заманивали под предлогом сексуального контакта с детьми. Когда человек приходил на встречу, он допрашивался Хансеном, а после его арестовывали местные правоохранительные органы [Dateline NBC: 1].

Похожей программой на российском телевидении можно считать программу «Расследование Эдуарда Петрова», продолжение программы «Честный детектив» на телеканале Россия 24. Каждый выпуск посвящён одному уголовному делу, где рассказывается не только о самом преступлении, но и как корреспонденты собирают первичную информацию, разыскивают и опрашивают потерпевших и свидетелей, обрабатывают различные версии, ищут доказательства или опровержения. Здесь зритель узнает из чего состоит каждодневная работа криминального репортера [Расследование Эдуарда Петрова: 5].

Российские и американские правовые телевизионные программы имеют как что-то общее, так и существенные различия. Общим у них остается главная цель криминальной журналистики – показать, как делать не нужно, помочь людям не совершать ошибок, предупреждая о наказаниях за них. Главное отличие – масштабность. Из-за невысокого финансирования российских телеканалов корреспондентам сложно охватить все криминальные новости такой большой страны. Дополнительные съемочные группы, транспортные средства и усовершенствованная спецтехника позволяют журналистам преподносить качественную информацию зрителю более оперативно, а также помогут выйти российским правовым программам на зарубежные телеканалы.

Литература

1. Dateline NBC [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nbc.com/dateline>
2. The Federal Communications Commission [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fcc.gov>
3. Вести. Дежурная часть [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russia.tv/brand/show/brand_id/5204
4. Долгина Е.С., Ситникова М.Ю. Криминальная журналистика: теоретический аспект // Молодой ученый. — 2015. — №7. — С. 1111-1114
5. Расследование Эдуарда Петрова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/videos?cid=4321>
6. Энциклопедия Кльера. ГАЗЕТА [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/collier/gazeta.htm>

УЧАСТИЕ СМИ В РАЗВИТИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Глазунова И.А.
*Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: В статье представлен обзор российских СМИ в Китае на текущий момент. Рассматриваются возможности развития сотрудничества обеих стран в пределах медиапространства и в сфере политики.

Ключевые слова: Китай, СМИ, Интернет, информационная политика, медиапространство

Abstract: The article presents an overview of the Russian media in China at the moment. The possibilities of developing the cooperation of both countries within the media space and in politics are being considered.

Key words: China, media, Internet, information policy, mediaspace

За последние десятилетия обращают на себя внимание всего мира двусторонние отношения между Китаем и Россией. Будучи соседями и быстро развивающимися странами, Китай и Россия приобретают особую важность на международной арене. Значимую позицию в политике обеих стран занимают стратегическое партнерство и взаимодействие. Изучение участия СМИ в этом процессе может прояснить влияние на международные отношения между двумя государствами. Роль СМИ в политике сложна и многогранна из-за множества органов и элементов, предназначенных выполнять задачи информирования

населения о происходящих в каждой конкретной стране и во всем мире событиях и явлениях.

Согласно мнению экспертов [Чжан Шиуюй, 2014], в современных условиях, если страна не обладает возможностью войти в мировую информационную систему как самостоятельный игрок, то ей придется уступить часть своей независимости другим, более развитым в этом отношении государствам. Трансформировать СМИ в систему, способную эффективно конкурировать с соперниками за рубежом, – значит не только обеспечить информационную безопасность страны, но и создать еще один важный инструмент для защиты внешнеполитических интересов.

Изучение политики Китая в глобальном информационном пространстве представляет интерес прежде всего с точки зрения использования возможностей, соответствующих современным технологиям, для активизации роли в международных процессах. Одним из основных инструментов, применяемых китайским руководством, является развитая система контролируемых государством СМИ на иностранных языках.

Полноценные зарубежные СМИ, в том числе на русском языке, появляются в Китае после образования КНР (1949 г.). «СМИ Китая на русском языке – русскоязычная аудитория в России» [Монастырева, 2012].

Радиовещание Китая осуществляется на русском языке с 1954 г. В системе русскоязычных «голосов» «Международное радио Китая» (China Radio International) остается наиболее динамично развивающимся. Это самый крупный и авторитетный в КНР вещательный канал, единственное государственное радио, которое осуществляет вещание на зарубежные страны. В 2009 г. радиостанция вышла на первое место по количеству языков вещания среди аналогичных радиостанций мира. В 2011 г. на базе «Международного радио Китая» создана Китайская международная телерадиовещательная сеть (CIBN), а также Всемирная вещательная медиакорпорация «МРК-Планета», что ознаменовало новый этап в развитии инновации Китая и всей информационной деятельности страны за рубежом.

Информационное агентство «Синьхуа», один из ведущих государственных мультимедийных источников информации для зарубежной аудитории, круглосуточно транслирует новости о Китае и мире. Особенno полезно заглянуть на этот сайт тем, кто изучает китайский: есть возможность параллельно читать статьи на двух языках. В 2001 г. на русском языке выходит центральное издание – газета «Жэньминь Жибао» («Народная газета»), с 1946 г. являющаяся органом Центрального комитета коммунистической партии Китая и распространяющаяся более чем в 100 странах мира. В 1987 г. «Жэньминь Жибао» признается одной из десяти крупнейших и влиятельных газет мира наряду с американскими «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», французской «Монд», английскими «Таймс» и «Гардиан». На русском языке газета представлена в интернет-версии («Жэньминь жибао» он-лайн»), ставшей одним из авторитетных официальных русскоязычных серверов КНР.

Журнальную периодику на русском языке представляет

иллюстрированный журнал «Китай» – наиболее известное журнальное издание Китая, адресованное зарубежной аудитории. С 1951 г. журнал распространялся на русском языке на территории СССР, а затем и России. В 2001 г. выпуск был прекращен, русскоязычная версия сохранилась только в электронном виде. В 2005 г. издание печатного варианта на территории России было возобновлено. Журнал «Китай» выходит ежемесячно и является единственным печатным периодическим изданием для русскоязычной аудитории, выпускаемым в КНР на государственном уровне. По мнению рецензентов [Давыдов, 2007, Монастырёва, 2002]: "если прежний «Китай» отличался склонностью к приукрашиванию китайской действительности, то нынешний вариант не носит столь парадно-пропагандистского характера".

Телевидение в системе многоканальной информации о Китае на русском языке с недавнего времени заняло свою огромную по возможностям нишу в полном объеме. Существующие более десятка лет телепрограммы регионального значения дополнились проектами центрального масштаба. Русскоязычный телеканал Центрального телевидения Китая (CCTV-R) – круглосуточный телеканал на русском языке. Символичный запуск канала в сентябре 2009 г. был приурочен к Году русского языка в КНР и 60-летию установления российско-китайских дипломатических отношений. Русскоязычный канал в круглосуточном режиме доступен на территории России, всего постсоветского пространства и стран Балтии.

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Партнеры», издающийся в Китае с 2002 г. по настоящее время на русском и китайском языках, уже выдержал проверку временем. Журнал издается под эгидой Пресс-канцелярии Народного правительства провинции Хэйлунцзян, выпускается в Харбине, распространяется по всему Китаю и Дальневосточному региону России. Журнал имеет приложения «Бизнес-мост» (на китайском языке), «Безопасность города» (70% на китайском и 30% на русском языках) и «Берега дружбы» (на русском языке).

Многообразие форм информационных потоков из Китая подтверждают интернет-ресурсы. Их участие в общем медиапространстве наиболее заметно с 90-х гг. XX в.

В современном мире соперничество стран проявляется не только в вооруженных столкновениях, но и в precedентах проявления «мягкой силы». «Мягкая сила» государства аналогична репутации человека в обществе: положительная репутация обладает привлекательностью и авторитетом. СМИ могут рассматриваться как способ и цель увеличения потенциала «силового» влияния страны в международном масштабе.

Одна из проблем взаимодействия стран в медиапространстве связана с тем, что активно распространяя свои издания в России, китайская сторона блокирует распространение зарубежных изданий на своей территории. Стоит признать, что в медиапространстве как особой сфере взаимоотношений китайская сторона сегодня играет роль ведущего, наиболее инициативного участника межкультурного диалога с аудиторией соседней страны. Перед российскими

СМИ встает задача поиска адекватных форм ответа на китайский информационный вызов.

Литература

1. Ареева М.В. Китайские средства массовой информации и их влияние на глобальные информационные процессы // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 4. – С.65-69.
2. Давыдов А. «Китай»: первый год на российском рынке СМИ // Проблемы Дальнего Востока. 2007.– №1.– С. 181-183.
3. Монастырёва О.В. Русскоязычные СМИ Китая: история и перспективы развития // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 96-99.
4. Чжан Шиую Участие СМИ в развитии двусторонних отношений между Россией и Китаем // Век информации: СМИ и внешняя политика Китая : сб. науч. статей № 4 / Р. В. Бекуров, Ю. С. Данилова, С. Б. Никонов. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций» . – 2014. – С. 103-165.

РОЛЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

*Каркавина О.В., Карнаухова А.О.
Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению роли изображения в структуре публицистических текстов, которые сочетают в себе традиционный для печатного текста вербальный, а также визуальный компоненты информации. Авторы публикации в качестве материала исследования рассматривают статьи из печатного издания социологического факультета Алтайского государственного университета газеты «Слог». Исследование демонстрирует тесную связь верbalного и визуального компонентов информации в публицистическом тексте. Информация, выраженная словесно, часто дополняется различного рода изображениями, в том числе фотографиями, рисунками, графиками, диаграммами. Важные функции в креолизованном тексте выполняют цвет и шрифт. Они акцентируют внимание читателя на особо важных элементах информации, вызывают определенные эмоции и ассоциации.

Ключевые слова: креолизованный публицистический текст, изображение, цвет, шрифт, читатель

Abstract: This article focuses on the role of images in the structure of journalistic texts, which combine the traditional for a printed text verbal as well as visual components of information. The authors of the publication analyze the articles from the newspaper Slog of the sociological department of Altai State University. The study demonstrates the close relationship between the verbal and visual components of information in a journalistic text. Information expressed verbally is often supplemented with various kinds of images, including photographs, drawings, graphs, diagrams. Important functions in creolized text are performed by color and font. They focus the reader's attention on particularly important elements of information, evoke certain emotions and associations.

Keywords: creolized journalistic text, image, color, font, reader

В современном мире люди имеют возможность получить ответ на любой вопрос, пользуясь огромным количеством разнообразных медиа источников. В распоряжении аудитории – как традиционные печатные и аудиовизуальные СМИ, так и ставшие популярными в последнее время электронные источники информации, для которых характерна большая мобильность и приспособляемость к растущему с каждым днем потоку информации. Чтобы выдержать достойную конкуренцию, печатные СМИ вынуждены обращать особое внимание на структурирование и оформление текста таким образом, чтобы он неизбежно привлекал внимание читателя. Именно поэтому в печатных публицистических текстах все чаще задействуется визуальный ряд, который способен за более быстрое время, нежели вербальный ряд, привлечь внимание читателя к их содержанию. Тесты, совмещающие в себе вербальный и визуальный компоненты, получили название креолизованных текстов. Многие исследователи современных тенденций в сфере СМИ приходят к выводу о том, что креолизованные тексты в печатных СМИ выходят на лидирующие позиции, а тенденция перехода от вербальных составляющих материала к иконографическим является одной из самых насущных [Ленкова 2011:121–125]. В связи с этим отмечается интерес к невербальной, визуальной информации и ее взаимодействию с вербальной.

Креолизованные тексты относятся к особой группе паралингвистических текстов. Под креолизованным текстом традиционно понимается «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003:17]. Доминантным паралингвистическим средством в креолизованном тексте являются иконические (изобразительные) средства, взаимодействующие с верbalным сообщением на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно языковом уровнях. Благодаря такому взаимодействию и

функционированию в едином семантическом пространстве, все компоненты сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста. В результате, процесс восприятия реципиентом креолизованного текста заключается в двойном декодировании сообщения с последующим образованием единого смысла всего креолизованного текста [Анисимова 2003: 128 - 130; Каменская 1996: 13].

Целью данной работы является анализ основных типов изображений и их функций в смысловой структуре публицистических текстов. Материалом исследования послужила газета «Слог» социологического факультета Алтайского государственного университета.

Прежде чем представить анализ визуального компонента информации в исследуемых нами текстах, рассмотрим основные значимые компоненты изображений.

Одним из них является цвет. Цвет привлекает внимание адресата. Комбинация цветов способствует объединению всех компонентов текста в одно визуальное целое, четкости его композиции. Чередование цветов, их контрастное сочетание (например, черного и желтого, оранжевого и синего, желтого и фиолетового) позволяет активизировать восприятие текста. Цвет также способен воздействовать на эмоции человека, вызывать у него «особые душевые состояния». Несмотря на индивидуальные особенности восприятия цвета, ученые вместе с тем отмечают относительно устойчивые эмоциональные реакции людей на определенные цвета. Так, красный цвет действует возбуждающе, голубой цвет успокаивает, желтый вселяет радость, черный действует угнетающе, вызывает печаль, и т. д. Цвет может выражать и абстрактные понятия. Световая семантика отличается чрезвычайным разнообразием и богатством. В связи с этим, можно говорить об аттрактивной, экспрессивной, символической функциях цвета в структуре изображения.

Необходимым композиционным элементом креолизованного текста также является шрифт. Он – своего рода строительный материал для оформления его верbalной части и вместе с тем самостоятельная художественная форма. Все элементы графической организации текста: величина букв, их ширина, начертание, расстояние между ними, применение разных гарнитур и др. – призваны привлекать внимание адресата, обеспечивать удобочитаемость, задавать определенный ритм прочтения текста. Шрифт способен выделять наиболее важные по смыслу части верbalного компонента (отдельные слова, словосочетания, предложения, абзацы) и акцентировать на них внимание адресата. Шрифт обладает и разнообразными эмоционально-выразительными качествами. На фоне стабильности шрифтов любые изменения в их форме и начертании становятся заметными и могут служить источником экспрессии. Шрифт также участвует в создании художественной выразительности текста, его образности, воздействии на эстетические чувства адресата. Таким образом, шрифт способен выполнять аттрактивную, смысловыделительную, экспрессивную, эстетическую функции.

Перейдем к непосредственному анализу визуального компонента информации в текстах газеты «Слог». Данное издание является массовой, молодежной газетой, которую создают увлеченные люди, студенты социологического факультета.

Рис.1

Рис.2

В статье, представленной на рисунках 1,2 рассказывается о команде, создающей газету «Слог». Первая страница (рис.1) сразу привлекает внимание читателя. Она выполнена ярким желтым цветом, который ассоциируется с теплом, оптимизмом, радостью. Это – цвет солнца, цвет лета, он вызывает положительные эмоции. Следующая страница статьи (рис.2) представлена в зеленом цвете. На ее фоне – изображение ярко зеленою, сочной, молодой травы. Зеленый цвет – яркий и позитивный, неизбежно привлекающий внимание. Цвет обладает безграничной энергией с одной стороны, а с другой умиротворенностью, спокойствием. Благодаря фотографиям мы можем познакомиться с героями поближе. Дополняют статью стрелки, выполненные контрастными цветами. Они направляют внимание читателя на особо важные элементы информации.

Рис. 3

Рис. 4

В статье, представленной на рисунке 3, читателю даются рекомендации о выборе интересных книг для чтения. Это своего рода «осенняя подборка». Осень ассоциируется у нас с теплом домашнего очага, с возможностью сесть в кресло, укрывшись теплым пледом, и провести вечер за чтением интересной книги. Статья привлекает внимание яркими красками, соотносящимися с осенней тематикой. Читатель видит изображения осенней листвы красного, оранжевого, желтого цвета. Эти цвета яркие, их сложно не заметить. Благодаря изображениям (книга, читающая девушка, кот с книгой) мы с легкостью можем понять, о чем будет статья, даже не читая ее название, в связи с чем можно говорить о реализации информативной функции изображения. Шрифт также привлекает внимание читателя. Он выполняет смысловыделительную функцию в данной статье. Название, как самый важный элемент статьи, представлено крупным, жирным курсивом; все названия книг также выделены, что очень удобно для читателя. Сначала можно увидеть название книги, информацию об ее авторе, а в дальнейшем немного ознакомиться с ее основным содержанием.

В статье на рисунке 4 представлен образ железной дороги, при этом следует отметить, что это не один железнодорожный путь, а пересечение нескольких. Образ железной дороги в статье связан с дорогой в будущее. Дорога ассоциируется со свободой, выбором, реализацией своих возможностей, потенциала, с исполнением своих желаний. Образ путешествия по железной дороге дополнен вербально, с помощью слов, связанных с темой путешествий. Текст, выполненный контрастным по сравнению с фоном белым цветом,

накладывается на изображение железной дороги. Изображение и текст неразрывно связаны и неотделимы друг от друга. В статье представлена информация о возможностях для студентов побывать в ведущих научных центрах, тем самым открыть для себя новые перспективы, усовершенствовать свои знания, получить новый опыт. Образ дороги как нельзя лучше соответствует тематике статьи.

Рис. 5

Рис. 6

В статье, представленной на рисунках 5 и 6, размещены не только данные исследований, но и полезная информация для социологов. Данная статья имеет яркое оформление. Текст сопровождается различного рода изображениями, графиками, диаграммами, выполненными разнообразными цветами. Несмотря на некоторую хаотичность оформления и нестандартные формы представления информации, статья доступна для понимания. Читатель получает представление о том, где можно получить специальность социолога, где можно работать после окончания обучения. Визуальный ряд накладывается на вербальный. Так, в статье представлены не только названия компаний (вербальный ряд), которые зачастую и не дают представления о сфере их деятельности, но и их логотипы (визуальный ряд), в которых отражена деятельность компаний, что делает информацию более полной и понятной читателю.

Наше исследование показало тесную связь верbalного и визуального компонентов информации в публицистическом тексте. Информация, выраженная словесно, часто дополняется различного рода изображениями, в том числе фотографиями, рисунками, графиками, диаграммами. Важные функции в креолизованном тексте выполняют цвет и шрифт. Они способны привлечь потенциального читателя, вызвать у него желание прочитать

представленный материал, акцентировать его внимание на особо важных элементах информации, вызвать определенные эмоции и ассоциации. Все это делает визуальный компонент публицистического текста его необходимым, очень важным элементом.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 107 с.
2. Архив газеты «СЛОГ». Режим доступа: https://vk.com/topic-28740654_33261959
3. Каменская О. Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. М., 1996.
4. Ленкова Т.А. Новые тенденции в оформлении письменного дискурса печатных СМИ Германии // Европ. журн. соц. наук. 2011. № 6. С. 121–125.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОЗДАНИИ ИМИДЖА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

*Каркавина О.В., Ряшенцева Е.Е.
Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: Данная публикация посвящена определению роли социальных сетей в создании имиджа Алтайского края. Автор анализирует наиболее популярные среди жителей региона социальные сети ВКонтакте и Instagram. Выделяются четыре основные группы, представляющие информацию о крае. Каждая из них освещает ту или иную сферу жизни общества в крае, создавая определенное представление о нем в глазах пользователей этих социальных сетей.

Ключевые слова: социальная сеть, интернет, Алтайский край, имидж, СМИ.

Abstract: This publication is devoted to specifying the role of social networks in creating the image of the Altai Territory. The author analyzes the most popular social networks in the region VKontakte and Instagram. The four main groups representing information about the region are described. Each of them covers a particular area of social life in the region, creating a certain image of it in the eyes of the users of these social networks.

Keywords: social network, Internet, Altai Territory, image, mass media.

Сегодня репутация страны, региона, территории, их имидж определяется как один из основных факторов, способствующих победе или поражению в политике, влияет на положение дел внутри государства. И, безусловно, в эпоху «господства информации» именно СМИ играют определяющую роль в формировании базовых представлений о регионе.

В процессе формирования имиджа региона очень важно, какая информация о нем попадает в СМИ. Очевидно, что для региона имеет большое значение то, как его воспринимают потенциальные партнеры и инвесторы. Однако, немаловажно и восприятие региона его жителями, особенно молодежью, которая, как показывает практика, далеко не всегда готова оставаться в крае и совершенствовать его. Поэтому очень важно формирование положительного восприятия Алтайского края именно у молодежи, которая является его движущей и развивающей силой.

Исследование данной темы актуально в наше время, поскольку огромная часть общества отдает предпочтение Интернету, все чаще отказываясь от телевидения и газет. Именно оттуда молодой житель нашего края берет нужную ему информацию и знания. Он смотрит на Алтайский край через призму Интернета с его неоднозначностью и бесконечным потоком информации.

Цель данной работы заключается в анализе представленной в социальных сетях информации об Алтайском крае и определении ее роли в формировании его имиджа.

Следует начать с определения имиджа. Согласно Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова, **ИМИДЖ** [англ. *image* - образ, изображение] – это образ, мнение, представление, сложившиеся в обществе (или целенаправленно созданные) о каком-либо о человеке, организации, товаре и т.д. Имидж, в отличие от образа, создается для воздействия на целевые группы общественности, с тем, чтобы вызвать у аудитории определенную, «нужную» реакцию [Кузнецов 2000].

Молодое поколение в последнее время черпает информацию из такого средства массовой информации, как Интернет, и в частности, из социальных сетей. Конечно, не стоит недооценивать и взрослое поколение, представители которого стараются не отставать от развивающихся технологий.

Так что же такое социальные сети? Социальная сеть – платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете. С помощью них люди могут общаться, делиться информацией (фотографиями, текстами, видеороликами, музыкой) и высказывать свое мнение в комментариях [Вебер, Пименова 2014:634].

Наиболее популярными в настоящее время являются такие социальные сети, как ВКонтакте и Instagram. Всяческие организации, стремясь расширить границы своего воздействия на целевую аудиторию, все чаще стали прибегать к возможностям данных сайтов, с помощью которых можно легко распространить рекламу, рассказать о деятельности организации. И это

объясняется именно популярностью данных социальных сетей, имеющих огромное число пользователей. Так, например, по данным на август 2017 среднесуточная аудитория ВКонтакте составляла более 80 миллионов посетителей.

С анализа этой социальной сети мы и начнем. В основном, информация об Алтайском крае, его городах, размещается в группах. У каждой группы своя тематика, каждая освещает ту или иную сферу жизни общества в крае, создавая тот самый образ в глазах пользователей сети.

Существует несколько видов групп, выделенных в зависимости от их содержания:

1. Большие группы, посвященные жизни городов. Это такие группы как «Barnaul 22», «Бийск», «Типичный Рубцовск» и т.д., аудитория которых составляет от нескольких тысяч до 290 тысяч человек. В этих группах представлены главные новости городов (как положительные, так и отрицательные), расписания мероприятий, праздников, соревнований, которые публикуются ежедневно. Кроме того, в них появляется информация и о новостях всего края. Эти группы влияют на восприятие края не только непосредственно представленной информацией, но и с помощью возможности свободных комментариев. Люди открыто высказывают свое мнение, критикуют или же поддерживают что-либо, и зачастую в комментариях можно проследить проявление эффекта толпы.
2. Группы, посвященные туризму, рассказывающие о культурных достопримечательностях и рекреационных зонах. Таковыми являются, например, группы: «Озеро Яровое 2019| блог курорта», «Белокуриха», число подписчиков которых колеблется в пределах от 4 до 30 тысяч человек.
В этих группах публикуются преимущественно фотографии, информация о местах отдыха, ценах, услугах и отзывы отдыхающих. Подобные группы представляют особую ценность, так как привлекают жителей других регионов посредством информации об отдыхе в нашем крае.
3. Группы с оперативной публикацией информации о происшествиях городов. Это такие группы как «Инцидент Барнаул», «Инцидент Бийск» и т.д. Эти группы честно и открыто представляют информацию о преступлениях, ДТП, стихийных бедствиях и т.д.
4. Прочие группы, посвященные пропавшим вещам, домашним животным, обсуждению каких-либо повседневных проблем жителей городов.

Данные группы не представляют интереса в данном исследовании, так как в них сложно проследить какое-либо влияние на создание имиджа края. Примеры таких групп: «Подслушано Барнаул/Бийск/...», «Работа Барнаул», «Объявления Барнаул» и т.д.

Проанализировав все эти группы, можно сделать вывод о том, что в них представлено намного больше информации, чем в других СМИ, которую просматривают ежедневно тысячи пользователей. Они, таким образом, узнают о предстоящих событиях в крае, о его достижениях и новостях. Пользователи легко могут узнать, какие достопримечательности края они могут посетить и где они находятся.

Благодаря тому, что социальные сети, как принято считать, не поддаются такому контролю, как, к примеру, телевидение, люди видят истинную картину края, не скрытую под масками цензуры.

Перейдем к анализу сети Instagram. Главное отличие Instagram от ВКонтакте в том, что данный ресурс создан преимущественно для обмена фотографиями и видео, с возможностью добавления текста и комментариев, тогда как ВКонтакте охватывает более широкий спектр возможностей.

Посты в Instagram привлекают к себе внимание прежде всего фотографией или видео, которые сопровождаются неким текстовым сообщением. В этой сети существуют аккаунты, посвященные жизни Алтайского края и его городов, которые дублируют группы в ВК, так как Instagram открылся россиянам намного позже.

Достаточно набрать в поисковой строке слово «Барнаул» и можно найти большое количество аккаунтов, прежде всего аккаунтов организаций, рекламирующих свои товары или услуги. Однако можно найти и такие аккаунты, как «barnaul22.official», «gorod_barnaul» или «barnaul.insta». Их содержание полностью совпадает с содержанием групп ВК, но в данном случае вся информация более наглядна. В этих группах, помимо новостей и мероприятий, выкладываются фотографии города и края. Эти городские пейзажи привлекают внимание и показывают, насколько красивым может быть наш город.

Так же дело обстоит и с аккаунтами других городов края.

Instagram в последнее время все чаще используется именно для рекламы, для привлечения аудитории, так как данная сеть весьма популярна, особенно среди молодежи. Простота изложения информации позволяет ненавязчиво воздействовать на пользователя, создавая в его глазах нужный образ.

Представленные в данной работе аккаунты, очевидно, не имеют цели создать у аудитории какой-либо образ края, они не навязывают определенных представлений о нем, не призывают ни к чему. Они влияют на формирование истинного имиджа края, такого, какой он есть, для его жителей и гостей.

Итак, наше исследование показало, каким образом социальные сети влияют на создание имиджа Алтайского края. Социальные сети позволяют людям не только распространять официальные новости, но и делиться своими наблюдениями, фотографиями, видео и мнением. Группы в социальных сетях охватывают довольно большую аудиторию, что означает их достаточное влияние на общество. И какой бы не была информация в них, она определенно создает некую картину действительности, создает достоверное представление о крае и его жителях посредством открытости и доступности.

Хорошо это или плохо, но люди, стремясь получить достоверную информацию, стали чаще обращаться к возможностям сети Интернет, и в частности, к социальным сетям. Остается лишь признать тот факт, что они постепенно занимают одно из лидирующих мест в системе факторов, влияющих на создание имиджа Алтайского края.

Литература

1. Вебер К.С., Пименова А.А. Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник ТГУ, т.19, вып.2, 2014.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.
3. Vkontakte.ru
4. Instagram.com

ДВУЯЗЫЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ПРОБЛЕМА АВТОПЕРЕВОДА

*Карпухина В.Н.
Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена автопереводам публицистических очерков Г.Д. Гребенщикова об Алтае на английский язык. Основная цель статьи – выявить сходства и различия аксиологических парадигм публицистических текстов об Алтае Г.Д. Гребенщикова на русском и английском языках. Материалом статьи являются публицистические очерки, созданные Г. Д. Гребенщиковым.

Ключевые слова: Г. Д. Гребенщиков, автоперевод, Алтай, аксиологическая парадигма, публицистика.

Summary: The paper considers authorized translations into English of publicistic texts about Altai by George Grebenstchikoff. The paper aims at similar and different features in the axiological paradigms of publicistic texts about Altai by George Grebenstchikoff in Russian and in English. The paper deals with essays by George Grebenstchikoff.

Key words: George Grebenstchikoff, authorized translation, Altai, axiological paradigm, publicistic texts.

Достаточно часто художественный или публицистический текст, переведенный на другой язык самим автором, оказывается результатом

параллельного текстопорождения в пределах семиосферы другого языка (или оба текста могут существовать в качестве интерпретационных вариантов). При этом в ситуации автоперевода сам автор гораздо чаще любого профессионального переводчика изменяет текст настолько, насколько не считает возможным переводчик. Поэтому автоперевод действительно может считаться способом интерпретации текста (ср. противопоставление интерпретации и перевода в работе: [Эко 2006: 270-272]). Автор, осуществляющий перевод собственного текста, интуитивно или сознательно руководствуется теорией функциональной эквивалентности текстов: перевод (особенно в случае текстов эстетической направленности) должен производить то же самое воздействие, к которому стремится оригинал ([Эко 2006: 93]; см. также обсуждение подобной «скопос-теории» перевода К. Райс и Х. Фермеера в: [Комиссаров 2000: 81-83]).

Возможно, в случае перевода публицистического текста вариант автоперевода является даже более естественным, чем в случае автоперевода текста художественного: межъязыковая коммуникация (на этапе текстопорождения) осуществляется в системе «Я – Я», или автокоммуникации. С точки зрения Ю.М. Лотмана, «в системе «Я – Я» носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. ... В канале «Я – Я» происходит качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого «Я» [Лотман 200: 165]. Несмотря на то, что Лотман имеет в виду коммуникативные процессы внутриязыкового характера, можно говорить о качественных изменениях «Я» автора публицистического текста и в ситуациях межъязыковой коммуникации, когда автор «примеряет на себя» роль переводчика.

Автопереводы публицистических очерков Гребенщикова еще не становились объектом научного внимания лингвистов. Мотив «ученичества» и «наследничества» в текстах Г. Д. Гребенщикова достаточно подробно рассматривался в работах [Примочкина 2001; Г.Д. Гребенщиков... 2008], при этом сам Гребенников называл своими учителями многих русских писателей и общественных деятелей, в частности, Л. Н. Толстого, М. Горького и Г. Н. Потанина. Признавая себя учеником Г. Н. Потанина, Гребенников, однако, не всегда встраивает аксиологическую систему своих публицистических текстов в просвещенную аксиологию Потанина и Ядринцева [Карпухина 2018: 144-148].

В статье рассматривается публицистический очерк Г. Д. Гребенщикова «Сказка-быль» (из книги «Алтай – жемчужина Сибири») [Гребенников URL] и его авторский перевод на английский язык [Grebenschikoff]. Основная цель статьи – выявить сходства и различия аксиологических парадигм публицистических текстов об Алтае Г. Д. Гребенщикова на русском и английском языках.

Обычно автор намного чаще, чем профессиональный переводчик, использует в ситуации автоперевода ситуативные приоритетные стратегии. Можно утверждать, что в ситуации автоперевода оперирование возможностями

многоязычного языкового сознания автора более продуктивно. Под многоязычным языковым сознанием понимается «единый конгломерат языковой памяти, в котором различные частицы языковой материи, принадлежащие разным языкам, и расходящиеся от них поля ассоциативных связей свободно «плавают», вступая друг с другом во все новые соположения и образуя все новые конфигурации» [Гаспаров 1996: 112-113]. Отдельные фрагменты многоязычного языкового сознания автора-билингва актуализируются при «включении в действие» всех уровней языковой личности, но в наибольшей степени, с нашей точки зрения, это относится к актуализации так называемого мотивационного, или pragmaticального уровня многоязычной языковой личности (ср. [Караулов 2002: 39]).

Англоязычные версии художественных и публицистических текстов Гребенщикова появляются, когда он уже находится в эмиграции и живет в США. В «Хронике жизни и творчества Г. Д. Гребенщикова» [Г. Д. Гребенщиков... 2008: 193] указано, что одним из активных консультантов при переводе на английский язык «Былины о Микуле Буяновиче» был Карл Лесс. Перевод же публицистических очерков и автобиографической повести «Егоркина жизнь» осуществлялся Гребенщиковым самостоятельно (автоперевод данной повести вышел через два года после его смерти, в 1966 г., в Славянской типографии (Southbury, Connecticut) [Г. Д. Гребенщиков... 2008: 197]). При работе с машинописными экземплярами переводов гребенщиковских текстов на английский язык, предоставленными нам в архиве писателя в ГМИЛИКА (г. Барнаул), были выявлены также некоторые дополнительные возможности атрибуции англоязычных текстов писателя, – например, наиболее частотные опечатки в английских словах, свойственные именно Гребенщику (*becose* вместо *because*, *chapetr* вместо *chapter*), исправленные потом им в машинописи [Grebenschikoff].

В русскоязычном тексте очерка «Сказка-быль» основной лингвоаксиологической стратегией, используемой Гребенщиковым, является стратегия стилизации: он активно использует коллоквиализацию текста (*сутолочно-трудовой*, *ну да ладно, ненароком. шаражнулись, поперли*), вводит в текст фрагменты речи персонажей, стилизованные под нелитературную речь крестьян (*обутки, не балуй, сплутали, замаялись, паря, бает, не упомню, отселя*), терминологию, связанную с бытовым обиходом и трудовой деятельностью крестьян (*медвежатник, омшаник, заимка, отава, зипун*) [Гребенщиков URL]. Аксиологическим ориентиром Гребенщика-рассказчика в данном случае является необходимость придать повествованию «народный» колорит для того, чтобы величие и красота алтайской горы Белухи были осмыслены именно в соответствии с этой «простой» жизнью крестьян. Подобный аксиологический ориентир – изображение величия алтайской природы на фоне бедности и сурового быта алтайских крестьян и тех этнических групп, которые в XIX-нач. XX вв. называли общим термином «инородцы», – появляется в очерках Гребенщика в продолжение

«просвещенческой» стратегии очерков Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (см., например: [Потанин 2005; Ядринцев 2007]).

В англоязычном тексте очерка, озаглавленном «Tale of White Mountains» [Grebenshchikoff], происходит регулярная, устойчивая нейтрализация всех обозначенных выше приемов стилизации текста. Ср.:

	«Сказка-быль»	«Tale of White Mountains»
1.	<i>Вместе со смелым медвежатником и молчаливым старовером Агафоном Лукичем, верхом на лошадях мы достигли последнего жилого пункта – одинокой пасеки, заброшенной в горном ущелье.</i>	<i>Together with the brave bear hunter Agaphon Lukitch, the taciturn Old Believer, we reached on horseback the last inhabited point – a lonely bee farm, lost in a mountain canyon.</i>
2.	<i>Недели через две он собирался запечатать пчел в теплом омшаннике и спускаться на зиму на нижнюю свою заимку.</i>	<i>In two weeks he, himself, would seal up the bees in the warm cellar, lined with moss, and go down for the winter to his lower farm.</i>
3.	<i>Агафон кричал: – Обутки изорвешь – тогда погибель... Садись, не балуй...</i>	<i>Agaphon shouted: “You’ll tear your boots... then it’s the end... mount your horse, no nonsense!”</i>
4.	<i>Наконец, на одной из передышек лошадей он глухо произнес: – Года три тому – четыре мужики так же вот сплутали... – Лошадь его тронулась и он умолк. И только через полчаса на новой передышке добавил: – Накатилась туча, повалил, брат ты мой, снежина, сбились, лошади у них замаялись, упали... И опять молчание, долгое и жуткое, после которого идет развязка: – Один свалился к калмыкам, обыгдал, а троє так и... Через год одно седло да кости лошадиные вот тут же где-то разыскали ненароком.</i>	<i>Finally at one of our stops to rest the horses he remarked in a dull voice: “Three years ago four mujiks were lost like this...” His horse started and he ceased speaking. Half an hour later at another stop he added: “A cloud came upon them, a lot of snow fell, they got lost, their horses were completely worn out and collapsed...” and again silence, a long, awe-inspiring silence after which came the conclusion: “One fell to the Kalmiks and recovered, but the other three... A year later a saddle and horse bones were found by accident somewhere here...”</i>
5.	<i>Скользкая, опасная, едва заметная тропа опять зазмеилась вниз, в неведомую пропасть, а белое крыло быстро поднялось куда-то в высоту, или опустилось по ту сторону</i>	<i>The slippery, dangerous trail went down again, sinuous as a snake, into an unknown valley while the white wing swiftly rose somewhere into the height, or dropped on the other side of earth’s horizon – I cannot recall as in my</i>

	<i>земного горизонта – не упомню. От волнения не уследил.</i>	<i>excitement I was unable to see clearly.</i>
--	---	--

Таблица 1. Сопоставление единиц разговорной, нелитературной речи персонажей в русском и английском текстах очерка «Сказка-быль» Г.Д. Гребенщикова.

Объяснительный перевод терминов *медвежатник*, *заимка*, *омшаник* и т.п. дается в английском тексте очерка, чтобы не прибегать к затекстовому комментарию. Единственный случай использования затекстового комментария в англоязычной версии данного очерка связан с обычным названием маленьких речушек в Горном Алтае – *Громотуха* (*одна из многочисленных алтайских Громотух*). Давая название речки в транскрипции, Гребенников дополняет текст затекстовым подстраничным комментарием: *Gromotukha – “the one which roars,” is the name of many Altai nameless rivers* ‘Громотуха – «та, что грохочет» – название многих алтайских безымянных рек’.

Автоинтертекстуальные отсылки в тексте очерка (*Симфония паломничества в царство Хана-Алтая вот-вот прервется сентябрьской непогодой*) адекватно передаются в англоязычной версии текста, хотя и не сопровождаются комментарием.

Изменение заглавия очерка («Сказка-быль» → «Tale of White Mountains») свидетельствует о применении адаптационной стратегии при автопереводе и оценивается менее негативно, чем подобная вольность, которая могла бы быть применена другим переводчиком текста, поскольку ситуация авторизованного перевода предполагает большую свободу обращения с элементами текста оригинала.

Таким образом, основными переводческими стратегиями Г.Д. Гребенщикова при автопереводе очерка «Сказка-быль» на английский язык являются прагматическая адаптация реалий текста и нейтрализация большинства разговорно-просторечных и диалектных выражений в речи рассказчика и персонажей. При этом нужно отметить, что нейтрализация разговорно-просторечных и диалектных выражений не компенсируется лексическими или грамматическими средствами, и основным аксиологическим ориентиром Гребенщикова в ситуации создания автоперевода текста очерка оказывается необходимость объяснения не знакомых носителю английского языка реалий, а вовсе не представление определенной «просвещенческой» точки зрения на жизнь и быт алтайских крестьян и не художественная стилизация их речи.

Литература

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Гребенников Г. Д. Сказка-быль (Из книги «Алтай – жемчужина Сибири»). URL: <http://grebensh.narod.ru/> (дата обращения: 06.05.2019)

3. Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, примеч. Т. Г. Черняева / примечания Т. Г. Черняевой (при участии В. К. Корниенко и К. В. Анисимова). Барнаул, 2008.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.
5. Карпухина В. Н. Диалог культур в публицистике Г.Д. Гребенщикова // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы VI Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26-29 мая 2018 г. / Под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2018. С. 143-152.
6. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М., 2000.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
8. Потанин Г. Н. Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: В 4-х тт. [сост. В.А. Скубневский и др.; редкол.: В.А. Скубневский и др.]. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 300-332.
9. Примочкина Н. «Первым своим учителем считаю М. Горького». М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/prim-pr.html> (дата обращения: 22.01.2018).
10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006.
11. Ядринцев Н. М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни, члена-сотрудника отдела Н. М. Ядринцева в 1880 году // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: В 4-х тт. [сост. В. А. Скубневский и др.; редкол.: В. А. Скубневский и др.]. Барнаул, 2007. Т. 2. С. 95-126.
12. Grebenstchikoff G. Chapter Three. Tale of White Mountains // G. Grebenstchikoff. My Siberia (на английском языке). Из материалов личного фонда писателя Г.Д. Гребенщикова. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, Барнаул. Б. г.

АНГЛИЦИЗМЫ В ГЕЙМ-ТЕРМИНОЛОГИИ

*Комаренко И.А., Наумова М.С.
Алтайский государственный университет
Барнаул (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме активного проникновения англизмов в русский язык. В статье рассматриваются ключевые этапы истории заимствований, их модели и сферы

использования. Особое внимание уделено гейм-терминологии, ставшей популярной в последние несколько лет.

Ключевые слова: англизм, игровая индустрия, заимствование, этимология.

Abstract: The article is devoted to the currently central problem of the active penetration of anglicisms into the Russian language. The article discusses the key stages of the history of borrowing, their models and spheres of use. Particular attention is paid to game terminology, which has become popular in the past few years.

Key words: Anglicism, game industry, borrowing, etymology.

Взаимодействие языков – естественный процесс, который существовал во все времена. В последние три десятилетия наибольшее влияние в мировом языковом пространстве имеет английский язык. Интернет, международные контакты, мировой рынок, технологии, культурные события определяют механизмы пополнения словарного запаса языков. Так же и в русском языке появляются английские выражения, фразы, слова, называемые **англицизмами**.

Исторически проникновение англичан в русский язык началось в XVI веке, и их распространение проходило в несколько этапов.

1. На первом этапе, в XVI-XVII веках, появление заимствований обусловлено контактами англичан с русским населением в сфере торговли, дипломатии, военного дела. В это время в русский язык проникают названия должностей, титолов, учреждений, денежных единиц, военные и морские термины.

2. Второй этап английских заимствований приходится на XVIII век и связан, прежде всего, с деятельностью Петра I, который в период Великого посольства (1697-1698 гг.) посещает Англию. После этих поездок устанавливаются тесные контакты между Англией и Россией в экономической и научной сферах. Кроме того, Англия становится главным партнёром России во внешней торговле и крупнейшим поставщиком военных специалистов для русского морского флота, а также мастеров для кораблестроения. Нередко англичане «принимали русское подданство, записывались в состав городского купечества, входили в русские торговые фирмы, открывали свои магазины». Всё это способствовало росту интереса к английскому языку.

3. Третий этап заимствования английской лексики относится к XIX веку, времени расцвета Британской империи. В этот период в России получает широкое распространение преподавание и изучение западноевропейских языков. Большую роль в его распространении играет переводная и оригинальная литература, а также театральные постановки произведений английских драматургов. Заимствуются, прежде всего, научные и технические термины, менее обширную группу составляют общественно-политическая, религиозная, философская и военно-морская лексика.

Существуют определённые модели «внедрения» заимствованных слов.

1. **Прямое:** английские слова в русском языке существуют в том же значении и виде, что и в исходном: *выходные часто называют уик-эндом, деньги – мани*.

2. **Гибриды:** английское слово дополняется русским суффиксом: современная молодежь вместо слова «спросить» может употребить *аскать от английского to ask, вместо беспокоишься – бузишь от busy*.

3. **Калька:** такие слова как *пароль, вирус, диск, меню, клуб* – полностью соответствуют фонетическому и графическому облику.

4. **Полукалька:** при грамматических изменениях англицизмы в русском языке принимают формы согласно грамматическим нормам: *драйв – драйва «Давненько я не испытывал такого драйва»*.

5. **Экзотизмы:** выражения, связанные с национальными традициями, обычаями. Не имеют русских синонимов: *чизбургер, гамбургер, хот-дог*.

6. **Иноязычные вкрапления:** по сути это выразительные, экспрессивные средства: *Ok, Wow*.

7. **Композиты:** соединение двух английских слов – в русском одно понятие. Например, *видеосалон или секонд-хенд*.

8. **Жаргонизмы:** Задмствование происходит вследствие искажения звуков – *крезанутый (crazy)*.

Последние 20–30 лет англицизмы и американцы стремительно проникают в русский язык, причем в таких количествах, что лингвисты заговорили о явлении, именуемом англо-русский билингвизм. Вызвано это нашествие в первую очередь тем, что современное общество открыто для международных контактов, а также международным статусом английского языка.

1. Одна из главных причин появления англицизмов в русской речи – это **moda на английский язык**. Так, например, даже имея русские аналоги, мы используем вместо *утилизации – рисайклинг, вместо культуризма – бодибилдинг, тенденции – тренд, трак заменяет грузовик, спрей – аэрозоль*. Творческих людей мы называем *креативными, кинорежиссеров – фильммейкерами или мувимейкерами*.

2. Появление англицизмов в русском языке во многом вызвано **появлением новых понятий, предметов, услуг**, аналогов которых у нас нет. В большинстве случаев задмствование иноязычной лексики происходит ввиду отсутствия соответствующего понятия в когнитивной базе языка. Так, например, появились английские задмствования в русском языке типа *компьютер, плеер, тостер, импичмент, ваучер, чартер, баррель, серфинг*.

3. Также выделяют необходимость выразить многозначные русские понятия при помощи задмствованного слова. Примеры:

гостиница для автотуристов – мотель, встреча на высшем уровне – саммит, фигурное катание на лыжах – фристайл, меткий стрелок – снайпер, короткая пресс-конференция для журналистов – брифинг, наемный убийца – киллер, место для стоянки автомобилей – парковка/паркинг, бег на короткие

дистанции – спринт, падение производства – рецессия, розничная торговля – ретейл и многие другие.

4. Проигрыш русских слов. Некоторые слова, пришедшие из английского языка, легче произносить, их этимология более прозрачна, семантика конкретней, чем их аналоги в русском: *прайс-лист сегодня больше используют, чем преискурант, имидж сменил образ, а слово манекеница перешло в топ-модель.*

5. Для эффекта речи или фразы. Так, например, многие режиссеры, писатели или музыканты для экспрессивности называют свои творения либо на английском, либо добавляя туда английские слова.

6. Многие считают, что иностранные технологии – это более престижно, прогрессивно и качественно. Именно поэтому, реклама построена на использовании английских слов с целью создания позитивного отношения.

Гейм-индустрия стала очередным каналом проникновения лексики в русский язык. Как только компьютер и интернет вошли в жизнь человечества, англизмы технической сферы все больше завоевывают свои позиции в данной среде.

Игровая индустрия является самым молодым аспектом культуры в наше время. Зародилась она в середине XX в. и за 50 лет обрела большую популярность, что даёт русскому языку возможность активно «поглощать» и использовать новую лексику.

Неологизмы проникают в наш язык довольно быстро. Такие слова, как *шутер, хард-кор, моддер и др.*, еще лет 10 назад звучали непривычно (или же имели другое значение), сейчас осмысленно воспринимаются многими людьми. Подавляющее большинство номинаций из сферы игровой индустрии заимствовано из английского языка.

В ходе исследования было выявлено, что из небольшой группы слов (около 300), относящихся к геймерскому сленгу, лишь 7% были исключительно русскими.

Как показали наблюдения, не все лексемы и словосочетания освоены пока русским языком графически, поэтому их следует относить к вкраплениям. В журнале «Игромания» латиницей написаны следующие часто употребляемые в сфере игровой индустрии понятия: *Survival horror* (с англ. *Survival* – выживание, *horror* – ужас, страх – жанр компьютерных игр, содержащий в себе различные специфические составляющие, главной целью которых является создание и нагнетание атмосферы страха, тревоги и постоянного напряжения; *Shoot em up* (с англ. – перестреляй их всех – поджанр шутеров, в котором игрок сражается с множеством противников одновременно; *Hack and slash* (с англ. *Hack* – резать, *slash* – рубить) относится преимущественно к жанрам РПГ и характеризует геймплей, базирующийся на истреблении противников в ближнем бою с использованием разнообразного оружия. Но, например, слово «слэшер» давно обосновалось в нашем языке.

Итак, наименования сферы игровой индустрии можно объединить в пять лексико-семантических групп:

- 1) игровые жанры,
- 2) ММО-проекты,
- 3) базовые термины,
- 4) номинации, описывающие ход игры, ее характеристики и действия игроков,

5) игровое «железо». В них содержатся в основном однословные номинации, составные присутствуют только в игровых жанрах.

Кроме того, среди англизмов встречаются наименования, функционирующие в двух видах – и как однословные, и как составные (графический квест и квест).

Освоение любых иноязычных слов требует и графического приспособления к языку-реципиенту, что иногда происходит не сразу и порождает существование в языке вкраплений – *survival horror*, *shoot em up*, *hack and slash*.

Сфера игровой индустрии продолжает активно развиваться, что, возможно, приведет к стремительному расширению в ближайшие десятилетия слов этой тематической группы.

Литература

1. Англизмы в русском языке <http://azenglish.ru/anglicizmy-v-russkom-yazyke/> (дата обращения 23.06.2019)
2. Вавилова Е.Е. Англизмы в русской речи: от истории к современности // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XVIII междунар. студ. науч.-практ. Конф. <https://sibac.info/studconf/hum/xviii/37160> (дата обращения 18.06.2019)
3. Англизмы в русском языке: необходимость или дань моде? <https://englishfull.ru/interesno/anglitsizmy.html> (дата обращения 20.06.2019)
4. ПУТИ ПРОНИКОВЕНИЯ И СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЫРОВАНИЕ АНГЛИЗМОВ СФЕРЫ ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-proniknoveniya-i-stilisticheskoe-varirovanie-anglitsizmov-sfery-igrovoy-industrii-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения 23.06.2019)

ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Краскова О.Д., Наумова М.С.
Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)

Аннотация: В данной статье рассматривается метод сравнительно-исторического языкознания глоттохронология. Статья раскрывает содержание данного метода. Целью статьи является анализ основных исследований этого научного направления, современное состояние и перспективы развития.

Ключевые слова: лексико-статистический анализ, семантические особенности, базисная лексика.

Abstract: This article discusses the method of comparative historical linguistics glottochronology. The article reveals the content of this method. The purpose of the article is to analyze the main studies of this research area, the current state and development prospects.

Keywords: lexicostatistical analysis, semantic features, basic vocabulary.

Известно, что язык все время изменяется. Соответственно, как для любого исторического процесса, так и для процесса эволюции языка можно предположить наличие какой-то среднестатистической скорости, которую можно было бы попытаться замерить и на этом основании построить своеобразные «глотто-часы» – так, как это уже сделано в некоторых естественных науках (радиоуглеродный анализ, дендрохронология, молекулярные часы). Вопрос о скорости языковых изменений занимал лингвистов очень давно, но впервые за его решение по-настоящему взялся только в 1950-е гг. выдающийся американский лингвист Morris Swadesh (Morris Swadesh). Так была придумана глоттохронология, именуемая также глоттохронологической лексикостатистикой, или просто лексикостатистикой. Термин «глоттохронология» образован от греч. *glossa* 'язык' и дословно означает 'языковая хронология'; термин «лексикостатистика» неудачен, ибо его внутренняя форма задает слишком широкую категорию, под которую естественным образом подводятся исследовательские начинания, не имеющие к глоттохронологии фактически никакого отношения. Поскольку для Свадеша основным объектом изучения были бесписьменные языки американских индейцев, для него этот вопрос был особенно важным — чтобы оценить, например, скорость изменения современных языков Европы, нужно лишь сравнить их с древними письменными источниками, например, французский с латынью(на слайде: 1-брат, 2-причина, 3-победа, 4-мама), а для языков, историю которых можно только реконструировать, нужно разрабатывать отдельную методологию.

По наблюдениям Сводеша получалось, что из 100-словного списка за 1 тысячу лет в среднем «выбывает», то есть замещается другими словами, около 14 слов.

Таким образом, у лексики оказывается свой собственный «период полураспада», и, значит, минимальное время расхождения двух языков можно измерять формулой $t = \log C / 2\log r$, где C – доля сохранившихся слов из списка, а r – коэффициент сохранности, равный, соответственно, 0,81 или 0,86, а из этого следует, что в нашем распоряжении оказался чудесный инструмент, с помощью которого можно не только определять степень близости языков относительно друг друга, но даже прикинуть примерную *абсолютную* дату распада их общего предка. Например, если между русским и английским 34% общей лексики в 100-словном списке, это означает, что их общий предок (какой-то из древних диалектов праиндоевропейского) распался на славянскую и германскую ветви примерно четыре тысячи лет тому назад.

Первоначальный энтузиазм вокруг глоттохронологии (в начале 1950-х гг.) довольно быстро развеялся, когда оказалось, что «правило Сводеша» работает далеко не на всем объеме доступного языкового материала, да и вообще с чисто теоретических позиций очень трудно поверить в то, что в языке есть что-то вроде «глотто-часов». Вышло несколько «разгромных» публикаций, и на какое-то время глоттохронология оказалась похоронена.

Новый всплеск интереса к этой методике в западной академической среде начался относительно недавно – на волне общего увлечения применения статистических и вероятностных методов, разработанных в рамках естественных наук, к гуманитарным областям. Сегодня западные ученые используют в своих исследованиях гораздо более сложные модели, чем простая формула Сводеша, но общие принципы (идея устойчивости базисной лексики, представление об измеряемости скорости распада списка и тому подобное) остаются теми же самыми. Впрочем, исторические лингвисты, так сказать, «традиционной» закалки, как правило, все равно с довольно большим трудом преодолевают скептическое отношение к лексико-статистическому анализу.

У нас в стране наиболее значительный вклад в развитие лексикостатистики и глоттохронологии внес Сергей Анатольевич Старостин (1953-2005). Он, во-первых, внес в формулу Сводеша несколько важных поправок, которые позволили получать более точные и достоверные результаты, во-вторых, сумел разрешить одну из самых сложных проблем метода, предложив разграничивать между «внутренними» лексическими заменами (когда базисное слово заменяется на другое, уже существовавшее в языке, но имевшее другое значение — например, русское *брюхо* вытесняется *животом*, т. е. ‘жизнью’) и «внешними», то есть заимствованиями из другого языка. Оказывается, что постоянная скорость изменений характерна в первую очередь для *внутренних* замен, а не *внешних*, что естественно, поскольку объем заимствований очень зависит от конкретных непредсказуемых исторических и географических условий, а вот для того, чтобы непрерывной, но медленной струйкой текли «внутренние» замены, никаких контактов с другими языками не требуется. (В

связи с этим «коэффициент» Сводеша по методике Старостина было предложено снизить с четырнадцати выпадающих слов до пяти из ста за тысячу лет).

Итак, в настоящее время метод глоттохронологии остается единственным надежным методом, позволяющим производить относительную и абсолютную датировку времени языковой дивергенции. Он может использоваться в нескольких целях:

1) Установление предположительного родства сравниваемых языков и ориентировочное выявление степени этого родства. Подобную работу целесообразно проводить в тех случаях, когда степень родства языков неясна или даже непонятно, родственны ли они вообще. Соответственно и процесс составления списков может не быть абсолютно строгим.

2) Определение относительной хронологии, т.е. порядка отделения различных родственных языков от единого ствола. Эта работа может проводиться лишь тогда, когда родственные отношения языков уже установлены, однако не ясны их взаимоотношения внутри одного таксономического единства. Требования к строгости составления списков здесь выше, чем в предыдущем случае.

3) Определение абсолютной хронологии, т.е. конкретного времени расхождения языков. При подобном использовании метода глоттохронологии необходимо очень тщательное составление списков с учетом семантических особенностей включаемых в них слов, внимательный анализ их этимологий и исключение заимствований. Только в таком случае результаты абсолютной глоттохронологии могут быть признаны достоверными.

Именно от этого подхода мы вправе ожидать достаточно сенсационных результатов уже в самом ближайшем будущем. Для этого даже не нужно проводить слишком кропотливой работы.

Литература

1. <https://postnauka.ru/faq/11053> (дата обращения 20.06.2019)
2. https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingv. (дата обращения 01.06.2019)
3. <http://www.philology.ru/linguistics1/dyachok-02b.htm> (дата обращения 25.05.2019)
4. <http://www.philology.ru/linguistics1/dyachok-02b.htm> (дата обращения 21.06.2019)

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛА США В РОССИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ Д. ХАНТСМАНА)

Кузнецов Н.М., Синельников Д.П.

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
г. Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация: В российском медиапространстве внешняя политика занимает приоритетное направление, а российско-американские отношения являются самой обсуждаемой проблемой отечественных журналистов и политологов. Часто информационный повод для федеральных и частных СМИ создает деятельность командированных в Россию американских дипломатов, а главным объектом освещения становится глава их миссии. Цель данной работы – рассмотреть случаи, при которых деятельность посла США в РФ вызывает наиболее позитивную или негативную реакцию в отечественной прессе и сделать выводы относительно оценивания американского дипломата российскими СМИ.

Ключевые слова: внешняя политика; публичная дипломатия США; посол США; политическая журналистика

Abstract: The foreign policy has a high priority in the Russian media and Russian-American relations is the most discussed issue for Russian journalists and political scientists. Often, a newsmaker for federal and private media determines actions of US diplomats sent in Russia and the head of their mission is put in a spotlight. The purpose of this article is to study the cases in which actions of the US ambassador to Russian Federation cause the most positive or negative reaction in the domestic press and make conclusions regarding the assessment of the American diplomat by the Russian media.

Key words: foreign policy; US public diplomacy; US ambassador; political journalism

Публичная дипломатия является неотъемлемой частью внешней политики всех развитых государств XXI века, а с развитием новых медиа и других средств массовых коммуникаций охватывает все большую аудиторию.

Н.А. Цветкова отмечает, что до 1990 года термина «публичная дипломатия» во внешней политики США не существовало. Все проекты в области образования, культуры и информации назывались культурной дипломатией [Цветкова 2015: 187]. Она являлась способом распространения национальной культуры и языка крупных держав в своих колониях. Сейчас, благодаря возможностям массовых коммуникаций, публичная дипломатия рассчитана на популяризацию политики, ценностей и национальных интересов у зарубежной аудитории. Дипломатическая деятельность всех иностранных государств на территории России регулярно оценивается отечественными СМИ. Стоит рассмотреть публичную деятельность посла США в России

глазами отечественной журналистики и сделать выводы относительно критериев ее освещения.

Тенденция на положительную оценку публичной дипломатии США началась с избрания консерватора Д. Трампа президентом в 2016 году. Еще будучи кандидатом, он заявлял о намерениях прекратить вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а курс на улучшение отношений с РФ был частью его предвыборной программы. Это не могло не нравится российскому правительству и, разумеется, отечественным журналистам. Участники политических ток-шоу на федеральных каналах говорили о предстоящей межгосударственной дружбе, а либеральная часть российской журналистики также высказывала предположения о дальнейших изменениях в двусторонних отношениях [3].

Надежды на улучшение российско-американских отношений укрепились после назначения Д. Хантсмана новым послом США в России. Изначально российская пресса с опаской говорила о его кандидатуре. Федеральные СМИ, в частности телеканал «Россия-24», называли его «типичным ястребом» за имевшие место быть ранее антироссийские высказывания, религиозные воззрения и особенности карьеры[4]. Деятельность одного из предшественников Д. Хантсмана, профессора политологии М. Макфола, стала причиной усиления недоверия российских политиков и журналистов к самой должности главы американской дипмиссии. Экс-посол Макфол регулярно общался с представителями российской внесистемной оппозиции, критиковал правительство, а сейчас заявляет о личной вражде президента В. Путина к его персоне [5]. За это посол Макфол был объектом неприятия со стороны госслужащих, журналистов и даже научного сообщества [Торреальба 2015: 156].

Однако Хантсман пока не вызвал целенаправленной критики в российских СМИ. В отличии от предшественника, посол не позволяет себе агрессивных высказываний в отношении российского руководства, высказывается за межгосударственный диалог и является куратором полноценного саммита президентов России и США в Хельсинки в июле 2018 года.

Существенную роль в формировании позитивного имиджа посла США в России сыграла проводимая им публичная политика «примирения» двух стран.

Например, в декабре 2017 года, спустя два месяца после назначения, Д. Хантсман дал интервью российскому частному изданию «Сноб», в котором рассказал об изучении русского языка и его использовании в повседневной речи, поделился мнением о любимых российских музыкантах и заявил, что у него пропал страх перед Россией лишь когда он приехал сюда и начал изучать ее культуру и историю. Это интервью было также положительно встречено российской общественностью [2].

Стоит упомянуть поездки американского посла по России. Все региональные визиты Д. Хантсмана освещаются местными СМИ и представляются значимыми как для внутренней, так и для внешней политики страны событиями [1].

А 21 января 2018 года посол Хантсман принял участие в крещенских купаниях. Дипломат с семьей прибыл в Ново-Иерусалимский монастырь, где узнал от представителей РПЦ об истории икон и важности этого православного праздника. После участия во всех канонических обрядах посол отправился к реке Истра в традиционных русских валенках и совершил обряд погружения в ледяную воду. Хантсман не раз комментировал данное «единение с народом России», заявлял, что это «великая русская традиция». Также он добавил, что хочет стать «экспертом в русских традициях», что было позитивно встречено отечественными СМИ [8].

Кроме того, посол призывал американский бизнес посетить ПМЭФ в 2018 году. Данное мероприятие имеет большую роль в выстраивании международного образа России, поэтому такие заявления также были положительно оценены российской прессой [7].

Стоит отметить, что посол делал и «жесткие» заявления. Например, отзываясь об американских военно-морских учениях в Средиземном море в интервью CNN, Хантсман назвал авианосцы «сигналом для Москвы», а фраза «сто тысяч тонн международной дипломатии» была процитирована всеми мировыми СМИ. Эти слова вызвали резкую критику в политических кругах России и подробно освещались отечественной прессой. Возможно, посол не ожидал такой резкой реакции на его слова в России, когда давал интервью в США [6].

Кроме того, деятельность американского посла уже традиционно называют «дестабилизирующей». Например, Хантсмана обвиняли в кураторстве антироссийской повестки в правящей партии Армении [10].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Российские СМИ в целом с недоверием относятся к деятельности американского посла в России. Это связано с зафиксированными случаями того, как командированные из США сотрудники дипмиссии занимались антигосударственной деятельностью в ряде стран-пребывания (Грузия, Киргизия, Украина, Ливия).

2. Жесткие заявления в адрес России традиционно будут отображаться в негативном ключе. Любое публичное проявление несогласия посла с проводимой внешней или внутренней политикой РФ будет незамедлительно освещено, как «подрывное» и «традиционно дестабилизирующее».

3. Посол Джон Хантсман имеет репутацию дипломата, преданного своей стране, а его имидж «ястреба» был существенно улучшен после приезда в Москву. Хантсман редко вызывает критику в высших политических кругах России, на официальных российско-американских мероприятиях с ним часто общается президент РФ. СМИ в основном положительно освещают его дружелюбные заявления, поездки по стране и желание изучать российскую культуру.

Литература

1. В Екатеринбург прилетел посол США Джон Хантсман // ЕТВ. 2018. – URL:https://ekburg.tv/novosti/gorod/2018-0919/v_ekaterinburg_priletel_posol_ssha_dzhon_khantsman (дата обращения: 10.04.2019)
2. Джон Хантсман: жизнь рок-н-ролл // Сноб.2017. – URL: <https://snob.ru/entry/156039/> (дата обращения: 10.04.2019)
3. Жириновский, как и обещал, выпил шампанского за победу Трампа // Россия-24. 2016. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k1g1AmK5uE0> (дата обращения: 15.05.2019)
4. Миллиардер, мормон, посол: Джон Хантсман все ближе к России // Россия – 24. 2018. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UQahvUY3Ksg> (дата обращения: 10.04.2019)
5. Путин выбрал меня во враги: Макфол рассказал свою историю // Радио Свобода. 2018. – URL: <https://www.svoboda.org/a/29226009.html> (дата обращения: 15.05.2019)
6. «Подвело политическое чутье»: почему дипломатия по-американски не работает с Россией // Телеканал «Звезда», 2019. – URL: <https://tvzvezda.ru/news/mneniyaa/content/20194271223-AXZtm.html> (дата обращения: 15.05.2019)
7. Посол США в России Джон Хантсман приедет в Петербург на ПМЭФ // Фонтанка.ру. 2018. – URL:<https://www.fontanka.ru/2018/05/07/006/> (дата обращения: 15.04.2019)
8. Посол США в РФ искупался в проруби и примерил русские валенки // ТАСС. 2018. – URL:<https://tass.ru/obschestvo/4890314> (дата обращения: 15.04.2019)
9. Торреальба А.А. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. №3. С.152-166.
10. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4, Ч.1. С.186-189.
11. «100 тысяч тонн» плюс Армения: щупальца Хантсмана во дворце Никола Пашиняна // Eurasia-Daily.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/10/100-tysyach-tonn-plyus-armeniya-shchupalca-hantsmana-vo-dvorce-nikola-pashinyana> (дата обращения: 15.05.2019)

АЛЛЮЗИИ НА ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ И РЫЦАРЯХ КРУГЛОГО СТОЛА В НОВЕЛЛЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «СОНАТА «DEATH'S DOOR»

Мансков А.А.

Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)

Аннотация: В статье исследуется сходство сюжетов кельтских легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, а также новеллы «Соната „Death's Door“». На протяжении всей жизни Кржижановский интересовался культурой и литературой Англии. Большое внимание он уделял легендам о короле Былого и Грядущего. В исследуемой новелле обнаруживаются отсылки к литературной Артуриане. Персонажи Кржижановского характеризуются некоторым сходством с героями кельтских и уэльских сказаний. Эта тенденция проявляется через повторяемость мотивной структуры: мотивы ревности, супружеской неверности, богатства и любовного треугольника. При этом персонажи Кржижановского часто подвергаются его иронии, определяемой логикой модернистского дискурса. Автору новеллы все время приходится балансировать между тождеством и различием персонажей, а также между комическим и трагическим началом. Значительное внимание в статье уделяется этимологии имен женских и мужских персонажей в связи с их информативностью.

Ключевые слова: измена, ревность, магия, луна, кольцо, ирония.

Abstract: The article considers the similarity of the plots of Celtic legends about King Arthur and the Knights of the Round Table to the novelette “Death's Door” Sonata. Krzhizhanovsky was interested in English literature and culture during his lifetime. He paid much attention to the legends about the King of Past and Future. The novelette under consideration reveals the allusions to the Arthurian cycle. Krzhizhanovsky's characters are similar in some ways to the characters of Celtic and Welsh tales. This tendency appears in repeated motifs of jealousy, adultery, wealth, and love triangle. The characters of the novelette are often spoken ironically about by the author, which follows the logic of Modern discourse. The author is always balanced between similarity and difference in characters, between the comic and the tragic in the novelette. The article pays a lot of attention to the etymology of male and female characters' names because of their informative value.

Key words: faithlessness, jealousy, magic, moon, ring, irony

Одной из возможностей исследования новеллы «Соната „Death'sDoor“» является ее рассмотрение в контексте кельтских и валлийской (уэльских) сказаний. На протяжении всей жизни Кржижановский интересовался Англией. Он изучал язык этой страны, ее литературу и историю. Большое внимание писатель уделял легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, а также

их переложениям в европейской средневековой литературе: от Гальфрида Монмутского и Кретьена де Труа до Томаса Мэлори. В литературной Артуриане, как и в любом другом метатексте, автора «Сказок для вундеркиндлов» привлекало многообразие трактовок и интерпретаций сюжетов, хорошо знакомых ему с раннего детства.

Будучи писателем-мифотворцем, Кржижановский переосмысливал традиционные сюжеты кельтской мифологии. Они приобретали новое звучание и зачастую противоположные им формы выражения.

В новелле «Соната „Death’s Door“» присутствует ряд мотивов (ревности, неверности, сверхъестественного и другие), обнаруживаемых в легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. В качестве исходной точки для последующих сопоставлений можно обозначить следующие пары: король Артур – Реджинальд Парснип, Гвенивера – Гвендолен Парснип, Мерлин – индус Бен-Намир.

Сходство между персонажами новеллы и героями кельтских и валлийских сказаний о короле Артуре имеет имплицитный характер и тяготеет к дискретности. Это объясняется спецификой исследуемого материала, хронологической отдаленностью произведений и лингвистическими аспектами.

Центральным персонажем новеллы «Соната „Death’sDoor“» является 72-летний англичанин Реджинальд Парснип (Reginald Parsnip). Имя и фамилия персонажа несут первоначальную информацию о нем. Имя «Реджинальд» восходит к латинским словам *rex / regis* (царь). [Дворецкий, 2000, с. 672] Эти слова имеют устойчивую семантику царственности, величия, могущества, присущих представителю королевской семьи. Наряду с этим персонаж обладает в новелле благополучием и материальным богатством (статус лорда, чековая книжка, загородное поместье). Это значение сближает его с образом короля Артура.

Артур (Arthur, одна из этимологий – от кельтского *artos*, «медведь») [Словарь английских личных имен, 1989, с. 341], главный герой британского эпоса, является правителем вымышленного государства Логрия, центр которого находится в Камелоте. Будучи королем, Артур отличается мудростью и справедливостью, присущими его царственному сану. Окружив себя рыцарями Круглого стола, он с их помощью руководит страной. Владыка Камелота воплощает собой образ идеального короля и любимца своего народа. Наряду с этим Артур обладает незаурядной физической силой (об этом свидетельствуют упоминания о его участии в сражениях и поединках на турнирах), а также внешней привлекательностью.

Фамилия персонажа в новелле «Соната „Death’sDoor“» расходится с семантикой имени. Слово «Парснип» восходит к английскому существительному *parsnip* [Мюллер, 1999, с. 524]. На русский язык оно переводится как *пастернак – растение, употребляемое как пряность в пищу*. В контексте новеллы сочетание имени и фамилии характеризуется стилистической приниженностю. Традиционно человек, являющийся носителем имени Реджинальд, должен обладать высоким происхождением,

умом, смелостью и красотой. Однако все эти качества отсутствуют у персонажа. Вместо достоинств, присущих королевской особе, Реджинальд Парснип воплощает большинство человеческих недостатков. Он изображен старым, внешне непривлекательным, сладострастным, ревнивцем. В этом случае Кржижановский вступает в игру с читателем. Это связанно с эффектом нарушенного ожидания. Читая первые части новеллы, читатель не может даже предположить, какие трансформации произойдут с персонажем по мере развития сюжета (обретение новых способностей, расшифровка таинственных письмен).

Физическое сложение Реджинальда Парснипа тяготеет к слабому, тщедушному типу. Это связано с возрастом персонажа и его физическими недугами. Свидетельством этому служат авторские ремарки в тексте: «...Парснип цепко хватался за жизнь – точнее вставными зубами за жизнь» [Кржижановский. т.3. с. 134]; «М-р Парснип, не отлипая от круглого локтя жены, шаркал по паркету фойе» [III, 135]; «Парснип, цепляясь руками за спинки кресел, встал и двинулся к проходу» [Кржижановский, т.3. С. 137].

Авторская ирония, заявленная в начале новеллы при описании персонажа, мотивирована возрастом супругов, а также физическим состоянием Парснипа: «Супруги во многом разнились. И во вкусах, и в возрасте: на пятьдесят два года; миссис Гвенни, как называл ее муж, было всего двадцать» [Кржижановский, т. 3. с. 134].

Общим моментом, сближающим образы короля Артура и Реджинальда Парснипа, является мотив сверхъестественного. Традиционно образ правителя Камелота оказывается тесно связанным с магией и глубоко уходит в кельтскую мифологическую традицию. А. Комаринец отмечает: «... в валлийских сказаниях, и в рыцарских романах он (Артур) окружен чудесными персонажами или людьми, наделенными сверхъестественными способностями. Местом его приключений и подвигов является потусторонний мир или граница между мирами. Противниками его выступают гиганты, чудовища, колдуны, властители потустороннего мира или обращенные в чудовищ люди» [Комаринец, 2001, с. 28].

Эта особенность находит отражение также в новелле «Соната „Death'sDoor“». Персонаж новеллы Реджинальд Парснип характеризуется принадлежностью к миру магии. Будучи умирающим человеком, он просит таинственного индуса помочь ему остаться после смерти в непосредственной близости супруги. «– Я призвал вас, чтобы вы помогли мне в деле, касающемся не столько этого, сколько того света. – Сэр я не дам и двух пенни за так называемый тот свет. – А я дам вам десять тысяч фунтов, если вы устроите мне там в этом. – Слушаю? – Душа моей конец. И я не выбрасываю сигнала спасите мою душу! Это любовь, нет, неистовство чувств к моей жене» [Кржижановский, т.3. с. 139]. Индус осуществляет над ним магический ритуал, вследствие которого ментальная сущность персонажа переносится в новое тело, сохраняя при этом память о прежней жизни. Находясь в новом теле, Парснип открывает в себе неизвестные ему ранее сверхъестественные способности:

«но... и тут он впервые ощутил смысл черных письмен, втканных в тело. Овладевая ими, втискиваясь в них усилием воли, он увидел, что черные вгибы, выгибы, закорючья и полулуния то стягиваются, то разбухают, то морща, то распрымляя его шелковую поверхность. Наконец-то он дешифровал свои буквенные мускулы и научился владеть ими. Это уже не были те слабые витчатые движения, которые так легко, шутя, мог преодолеть Бен-Намир. Это были настоящие синие жилы и черные мускулы, мускулы спрута, удава, гигантского сине-черным пластом распластавшегося ската» [Кржижановский, т. 3. с. 145]. Из этого фрагмента становится очевидным, какие трансформации претерпевает ментальная сущность персонажа в тексте. Из человека, члена палаты Лордов Реджинальд Парснип постепенно превращается жестокое чудовище, одержимое идеей ревности.

Как и в случае с королем Артуром, местом пребывания персонажа после смерти является потусторонний мир или граница между мирами. Эта интенция находит непосредственное отражение в тексте и становится его своеобразной сюжетной формулой. Словосочетание «*death`s door*», возникнув первый раз во время концерта симфонического оркестра в Кинг-Холле, повторяется далее в беседе между индусом Бен-Намиром и умирающим Реджинальдом Парснипом. «— Есть то, что мы, индусы, называем «*порог смерти*», «*death`s door*»... — Проклятый смычкист.... — Представьте себе, что человек, уходящий за этот порог в небытие, зацепился за него носком туфли — и туфля осталась по сю сторону, в то время как все остальное... вы понимаете меня?» [Кржижановский, т. 3. с. 139].

Несмотря на то, что шелковое одеяло, в которое была перемещена ментальная сущность персонажа, находится в загородном поместье невдалеке от бывшей супруги, непосредственным топосом пребывания Реджинальда Парснипа является маргинальное пространство между реальным и потусторонним миром. Для Кржижановского очень важна семантика порога, как своеобразного хронотопа. Порог выступает для него не только пространственно-временной границей, но и сложной категорией художественного мира. Из двух миров персонаж тяготеет именно к потустороннему. В его сознании он соотносится с онейрической сферой, так как Парснип большую часть времени проводит во снах, которые становятся для него страшной реальностью (осознание кошмаров). «*Но чаще всего он дремал, и тогда ему казалось, будто черные непонятные письмена, втканные в его новое тело, скользят по ворсу, расшифровываясь черными кошмарами*» [Кржижановский, т.3. с. 145]. Характерно также то, что расшифровка таинственных черных письмен персонажем становится способом обретения новых способностей. Из этого очевидно наличие магических коннотаций, связанных с образом Реджинальда Парснипа в новелле. В обоих исследуемых нами текстах существование мира магии открывается персонажам посредством их таинственных помощников. В кельтских сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, а позднее в средневековых романах, эту роль выполняет чародей, пророк Мерлин (Merlin). Данный образ является

неотделимой частью литературной Артурианы. Традиционно имя этого героя кельтского эпоса окутано тайной. Точно не известно происхождение Мерлина. Ни в кельтских, ни в валийских сказаниях не называется его возраст. Волшебник всегда появляется как будто ниоткуда, чтобы помочь Артуру (дать ему мудрый совет или наложить чары), и исчезает неизвестно куда. В силу этого он выступает в качестве проводника (медиатора) невидимых сил, определяющих судьбы Артура и рыцарей Круглого стола.

Схожая тенденция обнаруживается и в новелле «Соната „Death's Door“» в образе индуза Бен-Намира. В новелле ничего не известно о его происхождении. О нем сообщается только, что «он прибыл всего лишь три дня назад из Калькутты – сразу задел любопытство, более того – любознательность общества» [Кржижановский, т.3, 2003, с. 137]. Как и в случае с Мерлином, Бен-Намир связан с миром магии. На званых вечерах в известных английских домах он показывает чудеса. Подтверждением этому служат выступления таинственного незнакомца в гостях у семейной четы Эдживенов и лорда Ричарда Грея. Связь Бен-Намира с потусторонними силами эксплицируется в тексте через мотив сделки с Реджинальдом Парснипом. В этом случае очевидны коннотации продажи души дьяволу. Индус выступает в качестве проводника персонажа в мир мертвых. После его сделки с Парснипом о нем больше ничего не сообщается в новелле.

При сходстве типологических признаков отличие индуса Бен-Намира от Мерлина оказывается в том, что чародей из кельтских мифов использует силы зла на благо, в то время как Бен-Намир совершает обратное: становится непосредственно помощником в осуществлении вероломного убийства соперника Реджинальда Парснипа – Эдуарда Коркнеля.

Очевидный исследовательский интерес в новелле «Соната „Death's Door“» представляет собой образ Гвендолен Парснип. В отличие от других персонажей, имя Гвендолен вызывает непосредственные ассоциации с артуровским циклом, именем Гвенивера. В кельтских сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, а также в средневековых рыцарских романах отводится значительное место этой героине. Варианты ее имени многочисленны: Guenevere, Gwenwyfar, Ginevra [Словарь английских личных имен, 1989, с. 96] и другие. В большинстве из них повторяется общий корень «gwen», восходящий к валлийскому диалекту английского языка. На русский язык это прилагательное переводится, прежде всего, как «белый». Наряду с этим оно может иметь лексические значения «справедливый», «благословенный». В сочетании с различными существительными прилагательное «gwen» образует интересные смысловые единства: Gwenhwyfar – «белая фея», «белый дух» [Словарь английских личных имен, 1989, с. 96] и т.д.

Традиционно Гвенивера является супругой короля Артура и возлюбленной рыцаря Ланселота Озерного¹. Эта любовь становится причиной падения

¹Начиная с романа Кретьена де Труа «Ланселот или Рыцарь телеги» любовь Ланселота и Гвениверы становится центральной темой большинства рыцарских романов артуровского цикла.

«Круглого стола» и гибели правителя Камелота. Образ Гвениверы является амбивалентным. С одной стороны, он воплощает собой идеал рыцарского служения Прекрасной Даме, с другой – несет в себе семантику прелюбодеяния и нарушения супружеской верности. Из-за греховности помыслов о Гвенивере Ланселот не может отправиться на поиски Священного Грааля, т.е. совершить величайший подвиг, на который мог быть способен первый рыцарь Круглого стола. Спасая Гвениверу от казни, он утрачивает милость короля и вынужден скрываться вместе с ней. В большинстве рыцарских романов часто повторяются мотивы тайных свиданий возлюбленных и жестокой расплаты за любовь.

Супругу Реджинальда Парснипа в новелле зовут Гвендолен. По происхождению имя Гвендолен (*Gwen-dolen*) английское [Словарь английских личных имён, 1989, с. 99]. Оно восходит к валлийскому диалекту. В этом случае очевидно сходство женских имён в исследуемых текстах, повторение общего корня «*gwen*». Характерно также то, что Кржижановский акцентирует читательское внимание на данной лексеме. По отношению к Гвендолен автор дважды использует уменьшительно-ласкательную форму имени. Так Реджинальд Парснип обращается к супруге. «— *Гвенни*, — сказал он, привставая на левом локте (...») [Кржижановский, 2003, т.3, с. 137]. Эта тенденция повторяется также в finale новеллы. «*А Гвенни улыбалась, тихо и ровно дыша. Ей снилось счастливое завтра*» [Кржижановский, 2003, т.3, с. 146].

Мотив имени реализуется также через обращение Эдуарда Коркнеля к своей возлюбленной. «*И зовет он ее именем первой буквы имени: Джси. О, Эди!*» [Кржижановский, 2003, т.3, с. 138]. Это указывает на релевантность этимологии имени героини, а также его функциональность в художественном мире новеллы.

В переводе имя Гвендолен означает «белое кольцо». Данная лексема состоит из двух элементов: *gwen* – «белый, справедливый, благословенный» и *dolen* – «кольцо». Элемент *dolen* имеет также значения «поклон, дуга, круг». Согласно мифопоэтической традиции, это слово могло быть одним из возможных обозначений луны. Основанием для этого является сравнение по ассоциативному признаку: луна – белый круг и т.д. Кроме семантики цвета, имя Гвендолен имеет устойчивые коннотации лунного кода, что позволяет обнаружить дополнительные смыслы, возможность нового прочтения новеллы.

Традиционным значением символа луны является символика умирания и рождения. Эта семантика непосредственно реализуется в тексте. Она связана с любовной линией в новелле. Гвендолен является непосредственной свидетельницей смерти Реджинальда Парснипа. Парснип умирает в своем загородном поместье на глазах у супруги. Одновременно с этим герояня выступает в качестве причины перевоплощения супруга, его рождения в новом теле. Тема смерти и рождения повторяется в новелле в связи с функционированием другого мужского персонажа. Так, возлюбленный Гвендолен Эдуард Коркнель умирает во время брачной ночи. Его смерть эксплицирует значение зарождения новой жизни. Автор вводит в текст

ремарку, указывающую на предполагаемую беременность Гвендолен. Это значение передается через образ Парснипа: «*Одеяло умирало, превращаясь в обыкновенное одеяло. В прессованный шелк, в мертвого свидетеля зарождения человеческих жизней*» [Кржижановский, 2003, т.3. с. 146].

В связи с физическими характеристиками луны (ночное светило) этот символ часто ассоциируется с потусторонней – ночной частью мира, ее загадками и тайнами. Эта тенденция находит выражение посредством описания мистической фигуры, индуза Бен-Намира. Оккультная сторона жизни Бен-Намира эксплицируется через его действия, направленные на Реджинальда Парснипа: переселение души в одеяло с таинственными черными письменами.

Все это указывает на то, что образ Гвендолен Парснип, являясь ретроспективой символа луны, способствует возникновению ассоциаций, отсылающих читателя к прочтению текста посредством набора культурных кодов: смерти и нового рождения, тайны и оккультной стороны человеческой жизни.

Наряду с функционированием символа луны в новелле значимой является символика кольца, имплицитно представленная в имени. Эта семантика вызывает различные культурологические ассоциации в сознании читателя. Традиционно кольцо восходит к символике круга (общим является округлая форма, наличие замкнутости). Это значение делает его эмблемой завершенности и целостности. Специфической особенностью данного символа является также семантика повторения, в своей основе имеющая мифологический принцип цикличности (смена дня и ночи, круговорот жизни и смерти и т.д.). Схожее значение обнаруживается в тексте. Реджинальд и Гвендолен Парснип представляют собой единое целое. Несмотря на различия, они являются супружеской парой, связанный узами брака. Бракосочетание представляет собой обмен кольцами, что указывает на символ круга. Это значение повторяется в тексте на мотивном уровне. Гвендолен дважды становится супругой: сначала Парснипа, потом Коркнеля. Этим она эксплицирует значение, заложенное в ее имени. С одной стороны, Гвендолен воплощает несколько измененную идею благословения (*gwen* – «белый», «справедливый», «благословенный»). Обозначенная идея характеризуется авторской иронией и различными выражениями трагифарса в тексте. Это связано с тем, что по мере развития сюжета комическое начало в новелле приобретает эксплицитные черты трагедийности. Вместо счастливой жизни в браке Гвендолен дважды становится вдовой. Женщина оказывается лишенной благословения и возможности быть счастливой. С другой стороны, в образе героини реализуется персонифицированная символика кольца. Как Парснип, так и Коркнель находятся в отношениях зависимости от Гвендолен. Обозначенные отношения эксплицируются через семантику кольца (быть окользованным и т.д.), «Символика кольца проистекает также из символики крепкого узла, который ограничивает, воздвигает барьер, означает остановку, препятствие, зависимость, принуждение» [Жюльен, 1999, с. 191]. Это значение актуализируется в новелле посредством функционирования словосочетания

«death's door». Неосознанно для себя самой Гвендолен становится препятствием, удерживающим сознание Реджинальда Парснипа. Традиционно в мифологических ритуалах с умирающего снимали кольцо для облегчения, освобождения от земного бремени. Люди, осуществлявшие погребальную церемонию или какой-либо иной мистический ритуал, полагали, что надетое кольцо является элементом, связующим ментальную сущность человека с его телом. Это значение применимо и к тексту Кржижановского. Реджинальд Парснип связан с Гвендолен узами кольца, он не может покинуть ее, так как она воплощает для него земное притяжение. Таким образом, функциональная значимость символов кольца и луны, имплицированных в имени героини, определяет характер текста. Наличие имплицитных смыслов свидетельствует о многоуровневости сюжета новеллы, а также о возможности прочтения текста при помощи различных культурных кодов.

Ключом для понимания авторского замысла стало осознание постоянного балансирования между тождеством и различием персонажей, а также между комическим и трагическим началом. Описание Англии в первой половине XX в. и реконструкция нравов обитателей этой страны явились перевернутым отражением королевства Логрии короля Артура, увиденным сквозь призму модернистского сознания Кржижановского, где все меняется местами, высокое замещается низким, изменяются аксиологические ориентиры, а на смену средневековым идеалам рыцарства приходит зачастую разрушительная ирония с ее многочисленными оттенками и полутонаами. Но при этом сам человек остается прежним, как и его исторические или литературные предшественники. Он испытывает похожие переживания и оказывается одержим теми же страстями. По этой причине персонажам новеллы Кржижановского встречаются таинственные незнакомцы, обладающие сакральными знаниями, но уже не в образе кельтского друида Мерлина, а экзотического индуза Бен-Намира. Возвышенный куль Прекрасной Дамы, который символизирует собой Гвенивера, подменяется чувственностью и телесностью Гвендолен, в то время как вместо возращения из Аваллона величайший освободитель Британии – Логрии от иноземных захватчиков, король Былого и Грядущего, на деле оказывается сластолюбцем, из ревности не отпускающим молодую супругу одну на симфонические четверги в лондонский Кингс-Холл. И образ Англии с ее прошлым, настоящим и будущим остается лишь странной фантазией, перенесенной на бумагу разочарованным жизнью писателем всегда мечтавшим увидеть туманный Альбион собственными глазами.

Литература

1. Дворецкий, И.Х. Латинско - русский словарь. М.: Русский язык. 2000.
2. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 1999.
3. Комаринец А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого стола. М. : Акт, 2001.
4. Кржижановский, Сигизмунд. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. III. – СПб.: Symposium, 2003.

5. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык. 1999.
6. Словарь английских личных имен. М.: Русский язык. 1989.

ШОТЛАНДСКИЙ ЯЗЫК SCOTS В ШОТЛАНДСКОЙ ПРЕССЕ

Митчелл А., Савочкина Е.А.

*Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: В статье рассматривается статус шотландского языка Scots в современной шотландской прессе. Этот вариант языка не имеет статуса официального в отличие от гэльского и на нем не ведется официальное письменное общение. Однако, шотландский язык присутствует в шотландских газетах и журналах, где выполняет ряд функций. А именно: маркирует национальную и региональную идентичность; маркирует узкую сферу человеческой деятельности; выступает средством высмеивания «других» - не ассоциирующих себя с шотландцами, либо какой-то местностью. Таким образом, функционирование шотландского языка Scots в печатной прессе амбивалентно.

Ключевые слова: гэльский язык, шотландский язык, стандартный английский, амбивалентность использования.

Abstract: The article discusses the status of Scots in modern Scottish press. Compared to Gaelic, Scots is not an official language in the country and is never used in official written documents. Still, Scots is present in newspapers and magazines where it serves several purposes. It marks national or regional identity; marks specified activities; works as means of mockery over those who are not identified with the group (who are not Scottish or live in a different location). Thus, the status of Scots in printed media is ambivalent.

Key words: Gaelic, Scots, BBC English, ambivalent implementation.

История Гэльского языка в современных шотландских средствах массовой информации может быть представлена как относительно успешная компания по завоеванию признания и поддержки, апогеем которой стал Акт британского парламента о Гэльском языке от 2005 года, признавший Гэльский официальным языком Шотландии, равноправным с английским. История других языков Шотландии менее связана и более запутана по ряду причин. Как язык большинства в современной Шотландии английский не требует ни определения, ни законодательной поддержки. Его природа, статус и роль воспринимаются как должное. Шотландский язык Scots- а именно этот термин

применяют для ряда языковых вариантов равнинной Шотландии- легко понимается носителями английского, однако не так легко поддается определению, равно как и его носители не имеют законодательно закрепленного права пользоваться им в официальной сфере общения. Его проникновение в медиа, однако весьма показательно [Hetherington, A.].

Рассматривая шотландскую художественную литературу в 19 веке, У. Дональдсон говорит о крайней важности шотландской прессы, поскольку в период с 1860 по 1900 она опубликовала 5000 шотландских романов в полном объеме [Donaldson, W]. По утверждению ученого, целых полвека прессы была тесно связана со всем спектром тогдашней жизни через эти романы, большая часть которых была написана на шотландском языке Scots.

В настоящее время шотландский все меньше отличается от английского, тексты пишутся в основном на стандартном английском, в устной речи он проявляется в виде региональных диалектов в Шотландии, а также, той части Северной Ирландии, куда в 17 веке мигрировали шотландцы в поисках работы.

В 20 и 21 веке печатание художественных произведений в местной прессе стало менее популярным. Там где шотландский язык Scots еще используется для общения в центральной Шотландии, его присутствие в прессе ограничено обсуждением его собственного лингвистического статуса. Газеты, более тесно идентифицирующие себя с какой-либо географической местностью, чаще печатают авторские очерки, стихи и художественную прозу на том варианте шотландского, который специфически связан с этим местом. Например *the Press and Journal* в Абердине часто печатает материалы на дорическом варианте шотландского. Например, стихотворение Чарльза Мюррея:

Gin I was God

GIN I was God, sittin' up there
abeen,
Weariet nae doot noo a' my darg
was deen,
Deaved wi' the harps an' hymns
oonendin' ringin',
Tired o' the flockin' angels hairse
wi' singin',
To some cloud-edge I'd daunder
furth an', feth,
Look ower an' watch hoo things
were gyaun aneth.
Syne, gin I saw hoo men I'd made
mysel'
Had startit in to pooshan, sheet an'
fell,
To reive an' rape, an' fairly mak' a

Translation

IF I were God,
sitting up there above,
Wearied no doubt, now all my work
was done,
Deafened by the harps and hymns
unending ringing,
Tired of the flocking angels hoarse
with singing,
To some cloud edge I'd saunter forth
and, faith,
Look over and watch how things were
going beneath.
Then if I saw how men I'd made
myself
Had started out to poison, shoot and
kill [fell],
To steal and rape and fairly make a

hell

O' my braw birlin' Earth,—a hale
week's wark—
I'd cast my coat again, rowe up my
sark,
An' or they'd time to lench a second
ark,
Tak' back my word an' sen' anither
spate,
Droon oot the hale hypothec, dicht
the sklate,
Own my mistak', an, aince I cleared
the brod,
Start a'thing ower again, gin I was
God.

hell

Of my fine spinning Earth—a whole
week's work—
I'd drop my coat again, roll up my
shirt,
And, ere they'd time to launch a
second ark,
Take back my word and send another
flood [spate],
Drown out the whole shebang, wipe
the slate,
Admit my mistake, and once I'd
cleared the board,
Start everything ["all-thing"] over
again, if I were God.

С конца 20 века печатными носителями поэзии и прозы на диалектах шотландского языка стали мелкие журналы типа *Lallans* и *Chapman*.

Разные единицы шотландского языка (чаще лексические) появляются, в основном, в разделах газет, посвященных спорту и юмору, но не в важных новостных и редакторских статьях. Они выполняют несколько функций [Douglas, F. M.]:

– выступают маркерами класса читателей, их региональной и/или национальной идентичности в зависимости от контекста. Таблоид прибегает к определённому набору шотландских разговорных выражений, к которому никогда не прибегнет широкоформатная газета, чтобы установить связь со своим читателем. Некоторые выражения, вроде универсального ‘wee’ часто используются обеими, чтобы показать «шотландский стержень»: ‘A wee dram cuts obesity risk? It’s not that simple’;

– выступают маркерами профессиональной деятельности; например, шотландские лексемы, связанные с футболом, появляются в спортивных разделах газет, чтобы объединить болельщиков. Например: ‘England sunk by Batty’s blooter’;

– выступают маркерами социальной принадлежности других людей. Разговорный шотландский может работать как средство индикации или высмеивания людей, не принадлежащих той или иной группе. Например: ‘By yon manky banks: National Park is a rubbish-strewn haven for city neds, say locals’.

Подводя итог, мы можем заключить, что шотландский язык Scots присутствует в печатных медиа Шотландии сегодня. Он отражает амбивалентность нации по отношению к его статусу и значимости при выполнении ряда функций, более широких, чем региональная и национальная идентификация. Он, конечно, выполняет эти функции, но основная задача – привнести ту изюминку, которая будет воспринята читателем как радость сопричастия, принадлежности, либо как насмешка над теми, кто к группе не

принадлежит, теми, кого в шотландской прессе называют ‘teuchters’, ‘keelies’, ‘schemies’ or ‘neds’.

Литература

1. Donaldson, W., Popular Literature in Victorian Scotland: Language, Fiction and the Press, Aberdeen: Aberdeen University Press, 1986.-176 p.
2. Douglas, F. M. Scottish Newspapers, Language and Identity, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.-200 p.
3. Hetherington, A., Inside BBC Scotland 1975–1980: A Personal View, Aberdeen: Whitewater Press, 1992.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Осокина С.А.

*Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: Понятие «лингвоэкология» рассматривается с точки зрения общетеоретических вопросов языкознания. Даётся краткий обзор лингвоэкологической проблематики по материалам отечественных и зарубежных научных трудов. Целью работы является определение новых исследовательских перспектив, которые открываются для лингвистики при включении в лингвоэкологическую проблематику. Рассматриваются идеи применения методологии лингвоэкологии при изучении семиотической функции языка, работы языка как сложной коммуникативной системы, функционирующей в сетевом пространстве.

Ключевые слова: лингвоэкология, эколингвистика, теория языка

Abstract: The paper deals with the problems of the theory of language in ecolinguistics. We analyze the definitions of “ecolinguistics” given in Russian linguistics terminology dictionaries and present a brief coverage of ecolinguistics questions discussed in modern works. The paper considers ecolinguistic methodology as an affective tool to study the semiotical function of the language and to reveal the specifics of the language as a complex communicational system used by millions of speakers in the global net.

Keywords: ecolinguistics, theoryoflanguage

Лингвоэкология (или «эколингвистика») – новое направление в языкознании, имеющее глубокий научный потенциал и эвристическую силу и

заслуживающее своего рассмотрения как в аспекте взаимодействия языка и культуры, так и в общетеоретическом аспекте.

Цель настоящей работы – рассмотреть понятие «лингвоэкология» и определить, какие исследовательские перспективы открываются для лингвистики при включении в лингвоэкологическую проблематику.

Термин «лингвоэкология» появился в 1970-х годах в рамках социолингвистики и диалектологии, поэтому словарные толкования данного термина предполагают преимущественно социолингвистическую трактовку. Так, в словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребилолингвоэкология определяется как «языковая политика, направленная на сохранение языкового идиома (этнического языка, диалекта и т.п.)», что предполагает «1) юридическую защиту лингвистического разнообразия, 2) мероприятия по расширению общественных функций языковых образований, 3) поднятию их престижа среди носителей и общества в целом» [Жеребило 2010].

Данное толкование согласуется с определением, представленным в словаре социолингвистических терминов [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Данное узкое понимание термина связано с тем, что понятие экологии языка было разработано в трудах Е. Хаугена [Haugen 1972] (хотя сходные термины употреблялись и ранее) в рамках изучения взаимодействия скандинавских языков между собой, исследований языка скандинавских мигрантов в Америке и, более конкретно, языкового планирования в Норвегии. Однако благодаря широкому пониманию термина «экология» и его общей научной востребованности в конце 20 века, спектр лингвоэкологических исследований значительно расширился.

Лингвоэкология в широком понимании термина представляет собой комплексное направление лингвистических исследований на стыке лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, философии языка, лингвосемиотики и прагмалингвистики. Изучается все разнообразие лингвистических феноменов в аспекте сосуществования языков в различных сферах деятельности. Может показаться, что проблемы лингвоэкологии во многом дублируют проблематику перечисленных выше направлений лингвистики, и в связи с этим может возникнуть ощущение, что «лингвоэкология» – лишь новая модная «вывеска», за которой стоит традиционный спектр языковедческих проблем. Краткий обзор современных работ поможет разобраться, в чем специфика лингвоэкологии.

Одним из специфических направлений исследований в рамках лингвоэкологии является изучение этических и эмотивных аспектов существования одного языка как определенной экосистемы. Проблемы взаимодействия языков сменяются изучением проблем реализации эмотивных и этических средств языка в речи определенного социума. Исследования носят междисциплинарный характер на стыке лингвистики и теоретических основ этики и моральной нравственности [Андреева 2012; Солодовникова 2013; Шаховский 2014]. Помимо прочего, изучаются проблемы «загрязнения»

языковой среды, вызванные нарушением правильности, ясности, логичности речи [Шеожева, Абрегов 2016].

Экология перевода рассматривает язык оригинала и язык перевода как взаимодействующие экосистемы, предметом исследования является «функционирование текстов оригинала и перевода в их природном, культурном, социальном окружении» [Кушнина, Пылаева 2014:72]. Рассматривается взаимодействие текста перевода с новой окружающей лингвистической средой и роль интерпретации переведенного текста читателем, оторванным не только от культуры страны текста-оригинала, но и от соответствующей временной эпохи.

Поскольку лингвоэкология является новым направлением в отечественной лингвистике, ряд работ посвящен разработке ее терминологического аппарата, статусу лингвоэкологии как научной дисциплины, взаимодействию с другими науками и направлениями языкоznания, такими как лингвосинергетика и коммуникативистика [Сквородников 2000; Сорокин 2006; Семчук 2014; Курашкина 2016]; издается электронный журнал «Экология языка и коммуникативная практика», проводятся международные научные конференции [Шапочкин 2014]. Некоторые исследователи разводят понятия лингвоэкология и экология языка, обосновывая разницу тем, что лингвоэкология более концентрируется на экологическом проблематике (то есть на проблемах окружения языка), а экология языка – на самом языке, функционирующем в определенной экосистеме [Курашкина 2015].

Использование экологической методологии позволяет изучать как различные коммуникативные практики в рамках одного языка, так и специфику межкультурной коммуникации в аспекте более узкой проблематики преподавания языка, лингвистического воспитания и культуры употребления в СМИ, художественной литературе, науке, политической сфере – практически в любых видах современного дискурса.

Спецификой лингвоэкологии является то, что система языка рассматривается как некий самостоятельный организм, способный к самоорганизации, но вынужденный адаптироваться под внешние условия, как естественные, так и намеренно создаваемые человеком – организм, сосуществующий и взаимодействующий с целым комплексом других систем, составляющих среду его жизнедеятельности в определенном пространстве и времени. Помимо прикладных вопросов «охраны» и «чистоты» существования языка лингвоэкология должна уделять внимание и общетеоретическим вопросам языкоznания.

Фундаментальные вопросы языкоznания – взаимодействие языка и общества и взаимосвязь языка и мышления – рассматриваются в рамках лингвоэкологии с позиций последних идей современной научной парадигмы.

В частности, вопросы взаимовлияния языков традиционно рассматривались лингвистикой в плане взаимодействия людей, говорящих на данных языках: языковые контакты и языковые конфликты преимущественно изучались в аспекте сосуществования языков на определенной территории,

населенной носителями разных языков. Современные технологии позволяют носителям разных языков взаимодействовать между собой, и не находясь в условиях территориальной близости, соответственно, на характер этого взаимодействия могут влиять факторы, традиционно не изучавшиеся лингвистикой.

Например, взаимодействие языков в условиях глобальной сети Интернет определяет иные принципы распространения и взаимодействия языков. Согласно базовым положениям теории сетей, распространность сети напрямую зависит от количества входов и выходов в структуре сети. Следовательно, распространность языкового ресурса в сети Интернет определяется количеством точек доступа к данному языковому ресурсу. Это позволяет делать предположения, что распространность того или иного языка в Интернете зависит не от количества носителей языка, а от того, какое количество потенциальных пользователей может иметь доступ к данному ресурсу. Из проблемы взаимодействия языков в условиях ограниченного ареала, на территории которого может действовать определенная языковая политика, данный вопрос перерастает в проблему витальности языка в условиях цифровой сетевой структуры, не контролируемой (или слабо контролируемой) с позиций языковой политики определенного государства.

Специфика сетевой коммуникации поднимает целый комплекс языковедческих вопросов, среди которых полилингвизм пользователей сети, языковая самоидентификация пользователей, пороговые условия понимания языковых сообщений (каков минимум языковых значений – лексических, грамматических, орфографических и прочих – необходимый для адекватного понимания сообщения) и многое другое. Все это формирует сложнейшую среду функционирования языка и определяет его статус как определенного участника экосистемы.

Методологические основы лингвоэкологии позволяют по-новому взглянуть на проблему системного устройства языка – актуализируются вопросы, связанные с взаимоадаптацией языковой системы и окружающей среды. Язык проявляет себя как активный участник экосистемы – как самоорганизующаяся система, то есть организующаяся множеством пользователей и потому существующая относительно независимо от произвола каждого конкретного пользователя и обладающая определенной степенью управления языковым поведением каждого отдельного пользователя.

Витальность языка в цифровой среде связана и с взаимодействием естественных языков с языками программирования и алгоритмами организации программ машинной обработки текста, включая поисковые и статистические программы в ведущих браузерах, программы по машинному переводу, программы обработки корпусов текстов и т.п. Появляется возможность раскрытия новых граней языка с семиотических позиций. Возможно, имеется необходимость разработки семиотической теории цифрового существования языков.

Языковая экосистема – понятие глобального взаимодействия семиотических объектов разных материальных форм. Традиционная языковедческая триада «мышление-язык-общество» функционирует в новой среде и требует своего рассмотрения с новых позиций.

Перспективность лингвоэкологического подхода к решению общетеоретических проблем языкознания состоит в привлечении новой методологической базы к лингвистическим исследованиям, новому взгляду на человека, пользующегося языком, и языковую коммуникацию в целом.

Литература

1. Андреева К.А., Дзида Н.Н., Зятькова Л.Я. Этическая лингвоэкология человека нравственного: Коллективная монография. – Тюмень: «Вектор Бук», 2012. 160 с.
2. Жеребило Т.А. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: https://lingistics_dictionary.academic.ru/1889/лингвоэкология
3. Курашкина Н.А. Истоки и пути развития эколингвистики // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 246–250. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>
4. Курашкина Н.А. Основные направления современной российской эколингвистики // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. Т.2. С. 166–170. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm>.
5. Курашкина Н.А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. Сетевое научное издание. 2015. №2. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=63&lang=ru>
6. Кушнина Л.В., Пылаева Е.М. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. 2014. № 2 (26). – С. 70-76.
7. Семчук Е.В. Лингвоэкология как междисциплинарная наука // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1233-1235. <https://moluch.ru/archive/63/9073/>
8. Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение / Под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 3 (11). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2000. – С. 70–78.
9. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. М.: РАН, ИЯ, РАЛН, 2006. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru/328/Лингвоэкология>
10. Соловьёвская Н.Г. Содержание научного направления «Эмотивная лингвоэкология»: проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: Коллективная монография / Науч. ред. проф. В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 446 с.
11. Сорокин Ю. А. Нужна ли нам лингвоэкология? // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Т. 1. № 3, 2006. – С. 92.

12. Шапочкин Д.В. Экология языка на перекрестке наук: 4 международная научная конференция // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №1. Филология. С. 180-181.
13. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – № 1(19), 2014. – С. 13–14.
14. Шеожева Б.А., Абрегов А.Н. Лингвоэкология: речевая культура молодого поколения как составляющая общей культуры личности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. №3. С. 85-91.
15. Haugen E. The ecology of language: essays. Sanford university press, 1972. 366 р.

РОЛЬ РЕДАКТИРОВАНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СМИ

Саланина О.С.

*Алтайский государственный университет
г. Барнаул (Россия)*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению роли редактирования специальных текстов, переведенных с помощью программ машинного перевода. Анализируются основные типы ошибок и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: машинный перевод, редактирование, медиатекст.

Abstract: The article analyzes the role of editing special texts translated using machine translation programs. The main types of errors are considered and ways to eliminate them are proposed.

Key words: machine translation, editing, media text.

В действующем Федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки «Журналистика» содержатся требования к общекультурным и профессиональным компетенциям будущего специалиста. Культурный и образовательный уровень будущего журналиста должен позволить решать следующие профессиональные задачи: создавать медиатексты, оперативно обрабатывать большой поток информации, использовать современные технические средства и информационно-коммуникационные технологии и т.д. Способность эффективно использовать иностранный язык в связи с профессиональными задачами – требование обязательное.

При работе над переводом специальных текстов речь идет, скорее, об одном из видов машинного перевода, который в теории перевода называется автоматизированным машинным переводом при участии человека. Данный вид перевода требует обязательного редактирования переведенного текста.

Процесс редактирования - довольно затратная по времени часть работы над переводом текста, которая требует не только языковых и культурологических знаний, но и соблюдения правил редакционно-издательского оформления переведенного текста. Следует также отметить, что машинный перевод не всегда может облегчить труд переводчика, а в некоторых случаях он вообще не рекомендован. Примером тому являются результаты проведенного исследования переводческим бюро «Линготех», представленного в таблице 1.

Таблица 1. Рекомендации по применению машинного перевода для разных категорий текстов [1].

<i>Категория</i>	<i>Рекомендуемый техпроцесс</i>	<i>Ожидаемый выигрыш</i>
1. Маркетинг	Ручной перевод с последующим ручным редактированием. Машинный перевод не рекомендован.	0 %
2. Технические тексты	Машинный перевод с пред- или постредактированием при наличии большого объема параллельных корпусов по данной тематике, позволяющего выполнить «обучение» движка.	От 10 до 40 % в зависимости от квалификации команды
3. Документы для внутреннего пользования	Машинный перевод с беглым постредактированием. Возможен даже при отсутствии параллельных корпусов, но их наличие желательно.	До 50 %
4. Тексты для ознакомления	Машинный перевод без постредактирования, опять же наличие параллельных корпусов желательно, но не обязательно.	До 100 %
5. Документы «в стол»	Машинный перевод без постредактирования.	До 100 %

Медиатексты – это тексты особого жанра. С одной стороны, клишированность средств языкового выражения, метафоричность, наличие объективной когнитивной информации, высокая аллюзивность и т.д., - все эти

характеристики позволяют использовать машинный перевод как инструмент, способный сэкономить время переводчику. Однако, как известно, основное коммуникативное задание медиатекстов состоит не только в сообщении новых сведений, но и в навязывании определенной точки зрения. И вот с этой позиции их относительно высокая переводимость весьма условна.

Как правило, в учебной обстановке, за неимением дорогостоящих машинных программ, студенты пользуются переводчиками Yandex и Google. Запрещать пользоваться данными источниками не имеет смысла. Требуется обратить внимание на основные проблемы машинного перевода и научить правилам редактирования переведенных текстов.

Основные ошибки связаны, как правило, с разнотениями при переводе имен собственных в написании, смысловыми и стилистическими искажениями, неправильным тема-рематическим членением переводного предложения и т.д. Примером тому могут являться два перевода оригинального текста «*Staatsanwaltschaft klagt Ex-Audi-Chef Stadler an*» (<https://www.spiegel.de>), сделанного с помощью переводчиков Yandex (ПТ1) и Google (ПТ2).

Первый блок ошибок относится к искаженному переводу имен собственных.

В переводных текстах массовой информации, как правило, данный вид лексики представлен в уже утвердившейся, традиционной форме (например, название концернов Audi, Porsche в ИТ не требует непременного его написания в русской транскрипции, хотя такое возможно, ср.: «информационный сайт об автомобилях Ауди», «Известно, что Порше – автомобильная компания с самыми высокими доходами в мире, а её машины признаны одними из наиболее надёжных»). В настоящее время машинные переводчики выдают в основном правильный перевод фамилий известных писателей, названий городов, международных организаций и обществ и.т.д., так как со времени появления машинных переводчиков было достаточно времени заложить в базу данных подобную лексику. Проблема возникает в том случае, если переводчик имеет дело с фамилией современного человека, являющегося представителем определенной социальной сферы. Ср. в ИТ *Rupert Stadler*, в ПТ1 присутствуют два варианта перевода *Rupert Stadler*, *Ruperta Штадлера*, в ПТ2 три варианта *Rupert Штадлер*, *Rуперта Стадлера*, *Stadler*. В данном случае корректировка написания фамилии в русской транскрипции достигается достаточно легко: необходимо лишь посмотреть информацию о руководителе концерна Audi в русскоязычном сегменте Интернета. Итак, правильным написанием будет Руперт Штадлер.

Другой пример: имя собственное Augsburg-Gablingen_ в ПТ1 передано как *Аугсбург-Габлинген*, в ПТ2 как *Аугсбург-Гэблинген*. Согласно правилам немецкого произношения, первый вариант является правильным, тем более,

что в справочниках, например, туристических, уже зафиксирована норма правописания данного населенного пункта. В ПТ2 написание названия близко к английскому произношению.

<p>Dieselskandal</p> <p>Staatsanwaltschaft klagt Ex-Audi-Chef Stadler an</p> <p>Jetzt ist es amtlich: Ex-Audi-Chef Rupert Stadler soll sich vor Gericht verantworten. Im Zusammenhang mit dem Dieselskandal wirft ihm die Staatsanwaltschaft unter anderem Betrug vor.</p> <p>Die Staatsanwaltschaft München II klagt den früheren Audi-Chef Rupert Stadler wegen des Dieselskandals an. Ihm und drei weiteren Angeklagten werden "Betrug, mittelbare Falschbeurkundung sowie strafbare Werbung vorgeworfen", teilte die Behörde am Mittwoch mit.</p> <p>Die Anklage war erwartet worden. Bereits im Juni 2018 hatte die Staatsanwaltschaft Stadler wegen Betrugsverdachts und Verdunkelungsgefahr in Ingolstadt verhaften lassen, er saß vier Monate im Gefängnis Augsburg-Gablingen. Ende Oktober kam Stadler zwar auf Kaution frei, das Oberlandesgericht verhängte jedoch zugleich eine Kontaktsperrre zu anderen Beteiligten des Dieselskandals.</p> <p>Die Staatsanwälte werfen dem 56-Jährigen vor, "spätestens ab Ende September 2015 von den Manipulationen Kenntnis gehabt und gleichwohl weiter den Absatz von betroffenen Fahrzeugen der Marken Audi und VW veranlasst bzw. den Absatz nicht verhindert zu haben".</p> <p>Den drei anderen Beschuldigten legen die Ermittler zur Last, Motoren für Fahrzeuge der Marken Audi, VW und Porsche entwickelt zu haben, deren Steuerung mit einer unzulässigen Softwarefunktion ausgestattet gewesen sei.</p> <p>Die Anklage umfasst den Angaben zufolge 250.712 Fahrzeuge von Audi, 71.577 Fahrzeuge von VW und 112.131 Fahrzeuge von Porsche. "Die Fahrzeuge sind insbesondere auf dem US-amerikanischen und europäischen Markt veräußert worden", hieß es weiter.</p> <p>Stadlers Nachfolger an der Audi-Spitze ist seit Anfang des Jahres Bram Schot. Ob es wirklich zu einem Prozess kommt, muss nun das Landgericht München II entscheiden.</p>	<p>Дизельный скандал</p> <p>Прокуратура обвиняет экс-главу Audi Штадлера</p> <p>Теперь это официально: экс-глава Audi Руперт Стадлер должен подать в суд. В связи с дизельным скандалом прокуратура обвиняет его в мошенничестве, среди прочего.</p> <p>Прокуратура Мюнхена II обвиняет бывшего главу Audi Руперта Штадлера в дизельном скандале. Его и еще троих обвиняемых обвиняют в "мошенничестве, косвенной фальсификации, а также уголовной рекламе", сообщили в ведомстве в среду.</p> <p>Обвинение было ожидаемым. Еще в июне 2018 года прокуратура арестовала Штадлера за мошенничество и затмение в Ингольштадте, он четыре месяца сидел в тюрьме Аугсбург-Габлинген. В конце октября Штадлер был освобожден под залог, но в то же время Верховный суд наложил запрет на контакт с другими фигурантами дизельного скандала</p> <p>Прокуроры обвиняют 56-летнего, "не позднее конца сентября 2015 года от манипуляций было известно и тем не менее, далее абзац из пострадавших автомобилей марок Audi и VW или пунктом, не препятствует подсказывает".</p> <p>Трои других обвиняемых обвиняют следователей в том, что они разработали двигатели для автомобилей марок Audi, VW и Porsche, контроль которых был оснащен недопустимой функцией программного обеспечения.</p> <p>Обвинение охватывает словам 250.712 автомобилей Audi, 71.577 автомобилей VW и 112.131 автомобилей Порше. "Автомобили были проданы, в частности, на американском и европейском рынке", - говорится в сообщении.</p> <p>Предшественником Штадлера на вершине Audi является Брэм Шот с начала года. Является ли это действительно процесс, теперь районный суд Мюнхена II должен решить.</p>	<p>В дизельном скандале прокурор обвиняет экс-руководителя Audi Штадлера</p> <p>Теперь это официально: экс-генеральный директор Audi Руперт Штадлер должен ответить в суде. В связи с дизельным скандалом прокурор обвиняет его в мошенничестве.</p> <p>Прокуратура Мюнхена II обвиняет бывшего босса Audi <u>Руперта Штадлера</u> в дизельном скандале. Он и трое других обвиняемых обвиняются в «мошенничестве, косвенной ложной сертификации и наказуемой рекламе», заявили власти в среду.</p> <p>Обвинение было ожидаемым. Уже в июне 2018 года государственный обвинитель Штадлер был <u>арестован</u> по подозрению в мошенничестве и затмении в <u>Ингольштадте</u>, он сидел четыре месяца в тюрьме Аугсбург-Габлинген. <u>Хотя Stadler был выпущен под залог</u> в конце октября, Высший областной суд в то же время ввел запрет на контакты с другими участниками дизельного скандала.</p> <p>Прокуроры обвиняют 56-летнего, что «не позднее конца сентября 2015 года о манипуляциях было известно и, тем не менее, продолжались продажи затронутых автомобилей марок Audi и VW или не помешал пункт».</p> <p>Три других обвиняемых утверждают, что следователи разработали двигатели для автомобилей марок Audi, VW и Porsche, чье управление было оснащено недопустимой функцией программного обеспечения.</p> <p>Согласно информации, обвинительное заключение включает 250 712 автомобилей Audi, 71 577 автомобилей VW и 112 131 автомобиль Porsche. «Автомобили были проданы, особенно на рынках США и Европы», - говорится в сообщении.</p> <p>Предшественником Штадлера на вершине Audi <u>стал Брэм Шот с начала года</u>. Действительно ли дело доходит до судебного разбирательства, теперь должен решить окружной суд Мюнхена II.</p>
--	---	--

В остальных случаях, если имена собственные не закреплены в справочной литературе, следует руководствоваться таблицей соотношения произносительных норм данных языков.

Другим примером является внимательное отношение к передаче названий различного рода организаций, особенно если оригинальные названия содержат в себе территориальную принадлежность.

(ПТ1) ... но в то же время *Верховный суд наложил запрет на контакт с другими фигурантами дизельного скандала*

(ПТ2) ... *Высший областной суд в то же время ввел запрет на контакты с другими участниками дизельного скандала.*

Уголовное дело в связи с фальсификацией данных о вредных выбросах дизельных двигателей автомобилей Audi, рассматривает *das Oberlandesgericht*. *Верховный суд* является высшим судебным органом Германии и является последней инстанцией по всем уголовным и гражданским делам, решение которого может быть пересмотрено только Федеральным конституционным судом. Из контекста понятно, что судебное разбирательство происходит на территории Баварии (*München II*), значит, первый вариант перевода исключен, а второй должен быть перепроверен с учетом иерархии судов Германии. (Ср.: (ПТ1) *Является ли это действительно процесс, теперь районный суд Мюнхена II должен решить*). Наиболее удачными вариантами перевода будут *мюнхенский окружной суд* или *окружной суд Мюнхена II*. Ни первый, ни второй машинный переводчик не дал правильный вариант.

Второй блок ошибок – это смысловые ошибки, искажения и неточности, которые требуют обращения к оригинальному тексту. Их можно разделить на группы:

– как откровенно противоречащие смыслу подлинника:

(ПТ1) *экс-глава Audi Руперт Стадлер должен подать в суд*

(ПТ2) *экс-генеральный директор Audi Руперт Штадлер должен ответить в суде.*

В ИТ употребление выражения *soll sich vor Gericht verantworten* в настоящем времени изъявительном залоге подразумевает только одно переводческое соответствие *должен ответить перед судом*.

– как нераспознанные машинным переводчиком фразы или отдельные слова, и, как следствие, получается невнятный набор слов, требующий обращения к исходному тексту:

(ПТ1) *Прокуроры обвиняют 56-летнего, "не позднее конца сентября 2015 года от манипуляций было известно и тем не менее, далее абзац из пострадавших автомобилей марок Audi и VW или пунктом, не препятствует подсказывает".*

(ПТ2) *Прокуроры обвиняют 56-летнего, что «не позднее конца сентября 2015 года о манипуляциях было известно и, тем не менее, продолжались продажи затронутых автомобилей марок Audi и VW или не помешал пункт».*

В данном случае используемое в оригинальном контексте многозначное слово *Absatz*, сокращение *bzw.* сложного наречия *beziehungsweise* и

инфinitивной конструкции ведет к грамматическому усложнению и создает смысловую путаницу в двух переводах.

При редактировании перевода необходимо устраниТЬ стилистические дефекты (смещения логического ударения, расщепленного сказуемого, тавтологии и т. п.).

В примере 1, чтобы избежать тавтологии, необходимо использовать слово *подозреваемые*:

(ПТ1) *Его и еще троих обвиняемых обвиняют...*

(ПТ2) *Он и трое других обвиняемых обвиняются...*

В примере 2 прилагательные *уголовной* и *наказуемой* следует заменить на *противозаконной рекламе*:

(ПТ1) ... *а также уголовной рекламе*", сообщили в ведомстве в среду.

(ПТ2) ... *и наказуемой рекламе*», заявили власти в среду.

В примере 3 употребление после порядкового числительного имени существительного стилистически закреплено в данном функциональном стиле (должно быть *56-летнего экс-руководителя*):

(ПТ1) *Прокуроры обвиняют 56-Летнего, ...*

(ПТ2) *Прокуроры обвиняют 56-летнего, что...*

В 50% переводных текстов необходима коррекция тема-рематического членения предложения: постановки главных и второстепенных членов предложения с точки зрения правил языка перевода.

Таким образом, процесс редактирования текстов, выполненных с помощью машинного перевода, является неотъемлемой частью работы, которая требует специальной подготовки и должна быть включена в план подготовки будущего специалиста.

Литература

1. <http://lingotech.ru/articles/redaktirovanie-mashinnogo-perevoda-celi-sredstva-i-vozmozhnyy-vyigrysh.html>
2. Беляева Л.Н., Откупщикова М.И. Автоматический (машинный) перевод. – В сб.: Прикладное языкознание. СПб, 1996.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ SOFT-POWER: КЕЙС ЮЖНОЙ КОРЕИ

Фадеева А.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)*

Аннотация: Реализация концепции soft-power Южной Кореи, через продвижение популярной культуры в СМИ.

Ключевые слова: мягкая сила, медиа потребление, имидж, культура, СМИ.

Abstract: The implementation of the soft-power concept of South Korea, through the promotion of popular culture.

Key words: soft-power, media consumption, image, culture, media.

Республика Корея – это быстроразвивающаяся страна, занимающая одну из ведущих ролей в мировой экономике. Важнейшим фактором, влияющим на успех Южной Кореи на мировой политической арене, стала политика soft power.

Концепция «мягкой силы» изначально использовалась во внешней политике США, ее реализация опиралась на потребности крупных держав мирового сообщества. Однако данная стратегия стала приобретать особое значение для политических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и в особенностях в субрегионе Северо-Восточной Азии.

С середины прошлого века Южная Корея стала привлекать внимание исследователей в областях политических и экономических наук. Высокий уровень интереса со стороны научного сообщества был вызван удивительным результатом резкого социально-экономического рывка этой страны на протяжении последних 50 лет. Одним из важнейших достижений для внутренней и внешней политики Республики Корея стало эффективное использование стратегии soft power для упрочения своего положения на мировой арене.

Сегодня Республика Корея занимает 11-е место в мире по размеру ВВП, ее ВВП на душу населения составляет около 30 тысяч долларов по данным на 2016/17 финансовый год. Всего за несколько десятилетий страна Утренней Свежести вошла в число промышленно-развитых стран, и многие связывают это с так называемым «корейским экономическим чудом», которое обрело себя в феномене Халлю.

Следует отметить, что для данного исследования, в большей степени, научным интересом обладает понятие cultural soft power – комплекс инструментов культурного влияния, а именно, – международное признание значимости и величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций,

туристическая привлекательность страны, распространение национального языка и национальной кухни.

Ярким примером проявлением политики cultural soft power является Hallyu. Высокий уровень роста популярности такого феномена, как Корейская волна (кор. Hallyu) основан на неразрывной сегментарной связи экономики, общества и культуры Южной Кореи. Впервые это термин, более известный в России как Халлю, был употреблен пекинскими журналистами в середине 1990-х, которых удивляла быстрорастущая популярность корейской индустрии развлечений в Китае. Современная исследовательская практика под Корейской волной понимает явление проникновения южнокорейской массовой поп-культуры в другие страны, в первую очередь, страны Юго-Восточной Азии.

Главным проявлением ранее упомянутой модели влияния, в случае Республики Корея, является популяризация национальной культуры через экспорт медиапродуктов с целью укрепления внешнеполитических связей и увеличения степени привлекательности страны для иностранных туристов. Центральное место в этом процессе отведено средствам массовой коммуникации, как главному инструменту продвижения.

Таким образом, культура становится центральным монетизированным сегментом корейской индустрии развлечений. Таким образом, эффективная стратегия экспорта нематериальных ценностей, позволила укрепить стране Утреней Свежести свои позиции на мировой политической арене, а также существенно увеличить сферу экономического влияния. Иными словами современная культура является многокомпонентным продуктом потребления широких масс людей, распространяемым при помощи современных коммуникативных технологий. Именно поэтому возникает необходимость в изучении особенностей медиа-модели и способов продвижения K-pop (вид массовой поп-музыки Южной Кореи) на международном рынке.

Изучив работы других исследователей ([Spry D.:2015] [Lee H.:2013], [Jang G.:2012]) — которые, исследуют современные тенденции и процесс развития медиарынка в Южной Корее, — можно сделать вывод, что изучение особенностей экономической модели продвижения продуктов медиапотребления массовой культуры Республики Корея обладает не только научной новизной, но и практической ценностью

Материалом для исследования послужили 186 публикаций популярных англоязычных интернет изданий (The Guardian, BBS News, NBS News, The New York Times, Forbes и другие издания), отобранных по принципу случайной выборки при использовании сервиса генератора чисел. Выбор изданий основан на статистических данных исследования TNS Gallup.

Выбор периода, за который были отобраны материалы, обусловлен целью исследования — установить частоту упоминаний и особенности подачи информации о феномене K-pop.

На примере Республики Кореи можно установить, что в эпоху глобализации (условного стирания физических границ между государствами) и формирования мультикультурного общества, национальная культура может

отличаться многообразием форм проявления и распространения. Иными словами современная культура является многокомпонентным продуктом потребления широких масс людей, распространяемым при помощи современных коммуникативных технологий. Одним из ярких проявлений популяризации культуры в последнее десятилетие стал К-поп.

Большая часть материалов американских изданий отличается новостным характером изложения. Освещаются новые релизы и новинки музыкальной индустрии Южной Кореи. Показатель количества публикаций в месяц в среднем составляет 13 медиатекстов в одном издании, на основе чего можно предположить, что тема музыкальной индустрии Южной Кореи является востребованной темы среди западной читательской аудитории.

Центральная тема отобранных публикаций – концертная деятельность южнокорейских музыкальных исполнителей. Процент таких новостей от общего числа выбранных материалов составил 78%. Оставшаяся часть публикаций охватывала такие темы, как: кино, макияж и новости, включающие политическую подоплеку.

Отмечен высокий уровень интереса к таким музыкальным группам, как BTS (374 упоминания) и Blackpink (153 упоминания), которые занимают лидирующие позиции по продажам альбомов на территории Англии и США.

При анализе публикаций было отмечено проявления концепции soft-power. В материале «Red Velvet, Cho Yong-pil And Other South Korean Stars To Perform In North Korea»[4] электронной версии журнала «Forbes» через образ и публичные действия популярных музыкальных исполнителей Южной Кореи транслируется идея, воссоединения Севера и Юга.

В дополнение ко всему ранее сказанному, в издании «BBS News» было выявлен ряд ярких публикаций обладающих явной политической направленностью и посвященных взаимоотношениям двух Корей: «Seeing through Kim Jong-un's K-pop sign»[5], «K-pop sounds in North Korea»[6] и «Kim Jong-un 'moved' by K-pop peace concert»[7].

Интересно, что ресурс BBS News отображает в основном события связанные исключительно с развлекательной индустрией Южной Кореи, не в полной мере отражая феномен Корейской Волны. Имеет место быть политическая подоплека материалов с целью пропаганды идей денуклиризации Северной Кореи и воссоединения Корейского полуострова.

Выводы: исследование проводилось с целью выявления особенностей взаимодействия англоязычных электронных СМИ и современной массовой культуры при освещении актуальных тенденций в сфере интертейменда и феномена Корейской волны.

Современная массовая культура является многокомпонентным продуктом потребления широких масс людей, распространяемым при помощи современных коммуникативных технологий, и отличается многообразием форм проявления и распространения.

Уникальность медиаиндустрии Южной Кореи состоит в том, что она эффективнее всего проявляется в популяризации и последующей монетизации

специфического развлекательного контента: дорам, кей-попа и других сегментов корейской поп-культуры.

СМИ являются необходимым инструментом для формирования и имиджа артиста, и дальнейшего продвижения исполнителя в ходе реализации концепции soft-power.

Литература

1. Jang G., Won K. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy, 2012
2. Lee H. Cultural Policy and the Korean Wave: from national culture to transnational consumerism, 2013
3. Spry D. New Media in Korea and Japan: Emergent Trends. London, 2015
4. Red Velvet, Cho Yong-pil And Other South Korean Stars To Perform In North Korea// URL: www.forbes.com/sites/tamarherman/2018/03/20/south-korean-stars-red-velvet-cho-young-pil-others-to-perform-in-north-korea/(дата обращения 10.06.2019)
5. Seeing through Kim Jong-un's K-pop sign// URL: www.bbc.com/news/world-asia-45620404?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/c82dl119le7t/k-pop&link_location=live-reporting-story(дата обращения 10.06.2019)
6. K-pop sounds in North Korea// URL: www.bbc.co.uk/programmes/p066wwx6(дата обращения 10.06.2019)
7. Kim Jong-un 'moved' by K-pop peace concert //URL: www.bbc.com/news/world-asia-43616772?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/c82dl119le7t/k-pop&link_location=live-reporting-story (дата обращения 10.06.2019)

ВЕЛИКИЙ БРАНДМАУЭР КИТАЯ

Чжсан Юньфэй

Алтайский государственный университет

г. Барнаул (Россия)

Хуэй Хуэй

Хайнаньский профессиональный институт иностранных языков

г. Вэнъчан (КНР)

Аннотация: В статье объясняется, почему многие иностранные сети в Китае запрещены. С декабря 2012 года поступали сообщения о том, что Китай укрепил свой интернет-брандмауэр, главная цель которого состоит в том, чтобы

запретить пользователям доступ к конфиденциальной информации. Оценивается масштаб и влияние брандмауэра GreatFireWall в Китае.

Ключевые слова: GreatFireWallopfChina, сайт, Китай, заблокировать.

Abstract: The article explains why many foreign networks in China are banned. Since December 2012, there have been reports that China has strengthened its Internet firewall, whose main goal is to prevent users from accessing confidential information. The scale and impact of the GreatFireWall in China is assessed.

Keywords: GreatFireWall of China, site, China, to lock.

GreatFireWall, официально известная как проект «Золотой щит», является проектом мониторинга цензуры в Интернете, осуществляемым правительством. Общий термин для нескольких наборов систем онлайн-цензуры, установленных в пределах юрисдикции Интернета, включая соответствующие системы административного контроля. Его английское название – «Great Firewall of China» (эффект Великой китайской стены), сокращенно «Great Firewall», сокращенно GFW. При широком использовании GFW использовался для глаголов, а GFWed защищены брандмауэром.

GFW = Great Firewall, также известный как China Firewall или China National Firewall. В общем, Great Firewall – это в основном программно-аппаратная система, состоящая из автоматического просмотра и фильтрации интернет-контента в Китае, а также сетевых устройств, таких как компьютерные маршрутизаторы. Из-за относительно полного обзора сети в Китае неподходящие веб-сайты в Китае будут подвергаться административному вмешательству и закрываться напрямую, поэтому основная роль Великой стены заключается в анализе, фильтрации и блокировании взаимного доступа к сетевой информации внутри и за пределами Китая.

С начала 1990-х годов в материковом Китае было экспортировано всего три шлюза образовательной сети на национальном уровне, офисы с высоким энергопотреблением и общедоступная сеть передачи данных. Китайское правительство ввело IP-блокаду на сайты, которые считались подрывными. Это эффективное средство блокады. Со временем блокировку IP можно обойти с помощью обычной технологии полномочий.

Примерно в 2002 году в Китае была разработана система, которая требовала, чтобы интернет-провайдеры использовали ее. Усовершенствованные устройства маршрутизации от таких компаний, как Cisco, помогли фильтровать ключевые слова в континентальном Китае.

Примерно с февраля 2007 года GFW начал фильтровать конфиденциальные символы, содержащиеся на зарубежных и отечественных веб-сайтах Wap.

По данным New York Times, в Китае около 600 миллионов пользователей интернета, что эквивалентно 36% людей, пользующихся интернетом. И 78% из 313 миллионов человек в Соединенных Штатах онлайн. Согласно данным, в 2005 году число китайских интернет-полицейских превысило 30 000 человек.

Great Firewall of China устраниет критику и не позволяет людям погрузиться в «злую» культуру. Причиной, по которой сайт блокируется, обычно является двоякая: одна нарушает Конституцию, а другая - нападает на лидеров страны.

Следующие сайты проще всего заблокировать:

- сайты с политически чувствительными словами;
- неуклюжие новости;
- сайт новостей;
- инакомыслие;
- сайт политической активности;
- не любимый микроблог;
- религиозный сайт;
- порно сайты.

Когда пользователь сети вводит URL, DNS ищет IP-адрес. Если DNS настроен так, чтобы не возвращать IP-адрес, пользователь не сможет войти на веб-сайт. Выражается как: «Сайт не найден».

Приблизительно в 2002 году в материковом Китае начали осуществлять перехват доменных имен, которые использовали систему мониторинга IDS, предоставленную маршрутизатором, для перехвата доменного имени, предотвращая доступ людей к фильтрованному веб-сайту. В то же время, чтобы запретить опытным пользователям напрямую использовать сервер доменных имен с обычными функциями, материковый Китай также начал блокировать зарубежные DNS-серверы и блокировал сотни североамериканских DNS-серверов.

Мониторинговый компьютер сравнит ваш запрос со списком запрещенных IP-адресов. Если это заблокированный адрес, сервер прервет запрос. Способ вести себя так: «Соединениеброшено».

Хотя URL-адрес отсутствует в черном списке, если запрошенный URL-адрес содержит запрещенное слово, соединение будетброшено. Усовершенствованное оборудование маршрутизации от таких компаний, как Cisco, помогло фильтровать ключевые слова в Китае, и 80% маршрутизаторов в Китае – Cisco. Представление «Сервер перенаправляет запрос».

Как только пользователь сети войдет в запрошенный вами веб-сайт, система мониторинга просканирует всю веб-страницу, чтобы выяснить, может ли она пройти. Это может привести к тому, что пользователи не смогут подключиться к сайту через несколько минут или даже час в форме «Невозможно отобразить веб-страницы». Как и Gmail.

Исходя из распределения GFW, система фильтров обзора в основном расположена на международном выходе, но недавно с помощью IP-заголовка пакетаброса TTL, возвращенного анализом системы фильтров обзора (значение TTL), было обнаружено, что существует два источника обмана, один на международном выходе. Другой расположен на провинциальном уровне доступа магистральной сети. Таким образом, предполагается, что GFW также имеет определенные возможности для проверки незаконного контента на

территории. Стоит отметить, что обзор содержимого внутренней сети в основном осуществляется с помощью подачи ICP.

Если пользователь упорствует, официальные лица могут сообщить о сложных попытках доступа к запрещенному веб-сайту.

ИНТЕРТЕКСТ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Широких И.А.

*Алтайский государственный университет
г. Барнаул, Россия*

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые аспекты политической риторики: использование такого явления, как интертекстуальность в выступления политиков, целью которых является оказать определенное воздействие на аудиторию. Автор статьи предлагает ряд определений этого явления, которые были даны разными российскими лингвистами. Кроме того, в работе предложены составляющие интертекста (цитаты, косвенная речь, аллюзия) с примерами их использования американскими президентами.

Ключевые слова: аллюзия, воздействие на аудиторию, косвенная речь, интертекст, цитаты.

Abstract: The article touches upon some aspects of political rhetoric: the usage of such a stylistic device as intertextuality in the speeches of politicians, whose purpose is to influence the audience this or that way. The author provides the definitions of this phenomenon, given by different Russian scientists. Moreover, its components (quotation, reported speech, allusion) are described in the article, as well as the examples of elements mentioned. The textual extracts are taken from public speeches of American presidents.

Key words: allusion, impact on the audience, intertext, intertextuality, reported speech, quotation.

Основные стилистические средства воздействия на аудиторию представляется целесообразным рассматривать на разных языковых уровнях, принимая во внимание их взаимодействие: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и интертекстуальном. Именно последний становится объектом исследования данной статьи.

Интертекстуальность – включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий. В основе понимания феномена интертекстуальности лежит концепция

диалогизма М.М. Бахтина, его идея несобственно-прямой речи, которая занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью: она принадлежит автору, оформлена как косвенная речь, но в то же время содержит цитирование явное или скрытое. Ю. Кристева считается первым автором, употребившим термин «интертекстуальность», с его помощью она показывала, что текст – это не результат творчества одного писателя, а трансформация созданных ранее текстов, которые могут служить явными или чаще скрытыми источниками. Согласно концепциям Ю. Кристевой и М. Бахтина, высказывание, так или иначе, связано с прошлым и будущим: оно вступает в определенные отношения с предшествующими текстами и открывает возможности для порождения последующих.

О.В. Спиридовский считает: «Апеллирование к концептам тех или иных прецедентных текстов (или прецедентных имен) в политическом и особенно президентском дискурсе – это весьма значимый риторический компонент, потому что любой глава государства призван следовать определенным общественным, историческим, морально-этическим традициям своей страны, формой приобщения к которым и является прецедентный текст» [Спиридовский, 2006, с. 163]. Таким образом, интертекстуальность является одним из важнейших инструментов актуализации убеждающей функции политической речи, она помогает оратору воздействовать на сознание реципиентов.

Существуют различные типы интертекстуальных включений, которые образуют поле интертекстуальности. Ядро данного поля составляют атрибутивные цитаты, обладающие графической маркированностью и наиболее полно воспроизводящие форму и содержание текста-источника. На периферии находятся аллюзия и косвенная речь.

Цитата – это дословное воспроизведение фрагмента из чужого текста объемом от одного слова до комплекса предложений, обособленного от остальных высказываний формальным маркером (кавычками) и характеризующегося структурно-семантическим тождеством с текстом-источником. Использование цитат придает тексту убедительность и достоверность. В политической речи источник цитации может быть не указан. По мнению Е.А. Поповой, это может быть обусловлено тем, что «в отличии от научного дискурса для исследуемого вида коммуникации менее важно точное происхождение «чужого» слова» [Попова, 2007, с. 13].

Например, Авраам Линкольн в своей второй инаугурационной речи цитирует слова из Библии, однако не называет источник цитации: «*Yet, if god wills that it continue until all the wealth piled by the bondsman's two hundred and fifty years of unrequited toil shall be sunk, and until every drop of blood drawn with the lash shall be paid by another drawn with the sword, as was said three thousand years ago, so still it must be said “the judgments of the Lord are true and righteous altogether”*». Очевидно, оратор рассчитывает на фоновые знания слушателей, которые позволят им без труда определить источник цитации, что вызовет ассоциации и эмоции, ожидаемые автором речи. Ссылка на Библию позволяет

президенту, с одной стороны, продемонстрировать смирение и покорность перед лицом Всевышнего, а, с другой, подчеркнуть, что существует большая, высшая правда, из которой он исходит. Косвенная речь позволяет передать большее количество информации по сравнению с цитатой, поскольку вводящие косвенную речь глаголы говорения могут быть как нейтральными, так и эмоционально окрашенными (сравните: *hesaid* - *heblamed*).

Аллюзия – прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт – это стилистическая фигура референциального характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний. Индикаторами «аллюзивного процесса» могут служить неравноценные в лингвистическом плане языковые единицы: слово, словосочетание, высказывание. Классификация аллюзий может быть основана на таких критериях, как: 1) источник аллюзии (литературные, библейские, мифологические, исторические, бытовые); 2) степень известности аллюзивного факта; 3) наличие или отсутствие национальной окраски.

По утверждению Ш. Нодье, аллюзии – это «хитроумный способ соотнесения широко известной мысли с собственной речью, поэтому они отличаются от цитат тем, что нет необходимости опираться на имена авторов, которые всем известны и так, и особенно потому, что заимствованное удачное высказывание не столько отсылает к авторитету, как это делают, собственно говоря, цитаты, сколько является удачным обращением к памяти читателей, чтобы заставить его перенестись в другой порядок вещей, но похожий а тот, о котором идет речь»[Нодье, 1832, с. 35].

В отличии от цитаты и косвенной речи аллюзия вводится в текст без каких-либо формальных показателей, при этом автор текста рассчитывает на определенную интертекстуальную компетенцию реципиента. Аллюзия состоит в ассоциативной отсылке в виде скрытого или явного намека к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности [Попова; 16]. Джордж Уокер Буш в своей первой инаугурационной речи вводит следующую аллюзию: «*And I can pledge our nation to a goal: When we see that wounded traveler on the road to Jericho, we will not pass to the other side*». Данный фрагмент является аллегорией, которая представляет собой развернутый художественный образ с развитием ситуации и содержит отсылку к Библии: *Jericho* – это библейский город Иерихон. Таким образом, оратор выражает отвлеченную идею сострадания, которая является ключевой для христианства. В предвыборной речи Дональда Трампа была выделена следующая аллюзия: «*the sun will rise, the moon will set, all sorts of wonderful things will happen.*» Данный фрагмент является аллегорией, которая представляет собой развернутый художественный образ развитием ситуации. Таким образом, оратор выражает отвлеченную идею решения проблем. Однако, данная аллегория используется с отрицательной коннотацией: оратор показывает, что проблемы так легко не решаются.

По утверждению О.В. Спиридовского, 82% от общего числа примеров интертекстуальности в американских президентских речах составляют ссылки на других президентов [Спиридовский, 2006, с. 165], которые выражают идею преемственности власти в стране, подчеркивают уважение президента к авторитету предшественников и его стремление использовать их опыт в общей борьбе за свободу и единство наций. Существенное место также занимают ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов.

Таким образом, политический дискурс является важнейшим инструментом воздействия на людей. С помощью языка политик внедряет в сознание реципиентов свое видение картины мира, а также оценочное и эмотивное отношение к ее элементам. Многочисленность и разнообразие риторических средств (на интертекстуальном уровне, в том числе), используемых в политическом дискурсе, отвечают основной цели ритора – не просто описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Эффективность публичной речи следует определять именно относительно этой цели.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров СПб., 2000.
2. КристеваЮ. Бахтин, слово, диалог и роман.Французская семиотика: От структурализма к постструктурлизму. - М., 2000. – С. 427-457
3. Нодье Ш. Вопросы литературной законности. – 1832, С. 35-37.
4. Спиридовский О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
5. Попова Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе. Самара, 2007.
6. Фабрикаречей. Washington ProFile. <http://www.washprofile.org/ru/node/3871>

RUSSIAN-JEWISH PRESS IN THE EMIGRATION: THE CASE OF “RASSVET” (BERLIN-PARIS 1922-1934)

*Anna Balestrieri,
The Hebrew University of Jerusalem (Israel)*

Abstract: The aim of the article is to provide lines of investigation of the language Revisionist Zionist weekly "Rassvet", active in the Twenties and in the Thirties in the major centres of the Russian diaspora, Berlin and Paris after an outline of its historical context. A methodological path is traced for further research.

Key words: power of the Soviet regime, historiography, Jewish contribution, Zionist movement-revisionist

Al definitivo consolidamento del potere del regime sovietico, più di tre milioni di persone², tra di loro molti intellettuali, si trovava in emigrazione, avendo scelto di fuggire o essendo stata costretta a lasciare il paese. Nel 1925 era già chiaro come quest'emigrazione si fosse convertita “da uno stato di esilio temporaneo ad una comunità permanente all'estero, un'entità separata dall'Unione Sovietica.³

Ciò che distinse questa emigrazione da altre nella storia europea fu, secondo lo storico Marc Raeff, la capacità degli emigrati di preservare la propria creatività culturale in Occidente. Le fiorenti comunità russe di Parigi, Berlino, Praga e Kharbin non solo arricchirono le lettere e le arti russe, ma influenzarono in modo significativo la cultura dei loro ospiti occidentali. La presenza di “un entroterra di russi disposto e desideroso di consumare i prodotti culturali dei propri connazionali esiliati”⁴ generò una miriade di pubblicazioni nell'emigrazione dall'aspettativa di vita, per ragioni economiche e materiali, spesso incerta.

Essendo il tema di questa raccolta la comunicazione interculturale e i *media*, vorrei portare l'attenzione suun fenomeno politico, culturale ed editoriale di notevole rilievo nella storia della "prima ondata" dell'emigrazione russa, ingiustamente messo in secondo piano dalla storiografia della stampa russa d'emigrazione. La storiografia, culturale e non, circa quest'emigrazione è ricca e non è mia intenzione, in questa sede, procedere ad una sua disamina dettagliata ed esaustiva.⁵ Nella complessa struttura di

²Rimscha, Hans von. *DerrussischeBürgerkrieg und die russischeEmigration 1917–1921*. Frommann, Jena 1924.

³Slobin, Greta. *RussiansAbroad. Literary and Cultural Politics of Diaspora (1919-1939)*. Brighton: Academic Studies Press, 2013, p.14. Salvo diversa indicazione, tutte le traduzioni sono mie.

⁴Raeff, Marc. *Russia abroad. A cultural history of the Russian emigration (1919-1939)*. New York – Oxford: Oxford University Press, 1990, p. 7.

⁵ Si vedano in proposito: Budnickij, Oleg (ed). *EvrejskajaemigracijajzRossii. 1881 – 2005*. Moscow: ROSSPEN, 2006. Budnickij Oleg, et al. *Materialy po istorii rossijskogo evrejskogo suda v emigranticheskikh archivakh*. Moscow: Domevrejskojknigi, 2004. Budnickij Oleg, Poljan Aleksandra. *Russko-evrejskijBerlin. 1920-1941*. Moscow: Novoeliteraturnoeobozrenie, 2013.Gousseff, Catherine. “Les Juifs russes en France. Profile et évolution d'une collectivité”, Archives Juives, 34/2 (2001. Gousseff, Catherine. *L'exil russe. La fabrique du refuge à l'apartheid (1920-1939)*. Paris: CNRS éditions, 2008.Mosković, Wolf, Khazan, Vladimir and Breuillard, Sabine. *Evrei Rossii - imigranty Francii. Očerki o russkoj emigraci*. Moscow - Jerusalem: Mostykul'tury – Gesharim, 2000.Parchomenko, Tat'jana. *Rossijskaja intelligencija rodine i v zarubež'e: novyj dokumenty i materialy: sbornik statej*. Moscow: Rossijskij institut kul'turologii, 2001. Schlögel, Karl. *Russische Emigration in Deutschland, 1918-1941 : Leben Im Europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie Verlag, 1995. Schlögel, Karl. *Der Grosse Exodus : Die Russische Emigration Und Ihre Zentren, 1917 Bis 1941*. Muenchen: C.H.

ciò che Raeffha definito "Russia abroad"⁶, la componente ebraica ebbe un ruolo significativo. Il contributo ebraico alla vita di questa "Russia oltre il confine" è stato studiato in una serie di volumi curata da Michail Parchomovskij⁷ con sezioni dedicate ai diversi ambiti in cui la cultura emigrè trovò la propria espressione. Gli articoli in esso dedicati alla stampa illustrano le esperienze pubblicistiche dei giornali "Evrejskaja tribuna" (Parigi 1920-1924), "Zveno" (Parigi 1923-1928), "Illustrirovannaja Rossija" (Parigi, 1924-1939), "Sovremennye zapiski" (Parigi, 1920-1940), "Segodnja" (Riga, 1919-1940), "Novoevremja" (Belgrado, 1921-1930).⁸ Ad alcuni dei periodici succitati sono state consacrate voluminose monografie accademiche che narrano la loro storia attraverso corrispondenze intra-redazionali, biografie e testi accompagnati da metatesti descrittivi.

Il settimanale russo-ebraico Rassvet rinacque nell'aprile del 1922, quarto di una serie di omonimi⁹ e diretto erede del "Rassvet" petrogradese, soppresso nel settembre del '18 dal potere sovietico, in qualità di organo ufficiale in lingua russa del movimento sionista-revisionista¹⁰ a Berlino. Fu pubblicato per 12 anni (Berlino 1922-1924 - Parigi 1924-1934) nei principali centri della diaspora russa europea, dapprima Berlino e poi a Parigi, seguendo, anche geograficamente, le peripezie biografiche dei suoi compilatori. Il formato del giornale contava 24 pagine nel 1922, 20 in parte del 1923, poi 16 pagine per la maggior parte della sua storia. Redattore capo nel periodo berlinese fu l'odessita Šlomo Gepštejn; a Parigi prese il suo posto Michail Berchin (Benediktov), affiancato in seguito dal direttore, Vladimir Jabotinsky e dal di questi più appassionato biografo, Iosif Šechtman.

Pur essendo la tribuna del raggruppamento revisionista, sarebbe sbagliato considerare questo settimanale come un semplice portavoce della sua ideologia politica, dato il suo contenuto multistrato e la diversità dei generi in esso rappresentata. È tuttavia verosimile che l'eccessiva attenzione rivolta ai dibattiti politico-ideologici che avevano luogo sulle sue pagine sia la ragione per cui è stato trascurato dalla ricerca e liquidato come "pubblicazione revisionista". C'è chi spiega il suo oblio nella preservazione esclusiva delle sue copie presso l'archivio Jabotinsky

Beck, 1994. I lavori già citati di Slobin e Raeff. Per una storia della letteratura russa nell'emigrazione si vedano Nikoljukin, Aleksandr. *Literaturnaja encyclopedija russkogo zarubež'ja (1918-1940)*. Vol. 2. *Periodika i literaturnye centra*. Moscow: ROSSPEN, 2000. Struve, Gleb. *Russkaja literatura v izgnanii: Opytistoričeskogo obzor azarubežnoj literatury*. Paris: YMCA Press, 1956.

6 Per una spiegazione di questo concetto vedi Marc Raeff, *Russia abroad...*, op. cit..

7 Parchomovskij, Michail (ed.). *Evrei v kul'ture russkogo zarubež'ja*, [25 vol.]. Jerusalem: Michail Parchomovskij , 1992-1996.

8 Per un catalogo completo delle pubblicazioni d'emigrazione in lingua russa si rimanda al sito www.emigrantica.ru.

9 Per un quadro dei precedenti "Rassvet" si vedano Markiš Šimon. "Osip Rabinovič", *Vestnik Evrejskogouniversiteta v Moskve*, 1994, 1(5). pp. 128-150; 2(6), pp. 106-172.

Perlmann, Moshe. ""Rassvet" 1860-61: The Origins of the Russian Jewish Press." *Jewish Social Studies* 24, no. 3 (1962). Horowitz, Brian. "What is "Russian" in Russian Zionism? Synthetic Zionism and the Fate of Avram Idel'son", in *Russian Idea—Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life*. (Boston: Academic Studies Press, 2013).

10 Il termine «revisionista» si riferisce alla volontà dei membri del nuovo partito di ritornare ai sionismo modello origini di Theodor Herzl con un approccio più militarista, aggressivo e nazionalista in contrasto alle posizioni di Chaim Weizmann viste come eccessivamente moderate. Per una bibliografia in italiano sul sionismo revisionista si veda Vincenzo Pinto (Pinto, Vincenzo. *Kadimah!: Saggi sull'identità ebraica (1999-2012)*. Torino: Free Ebrei, 2017 e Pinto, Vincenzo. *Imparare a sparare. Vita di Vladimir Ze'ev Jabotinsky padre del sionismo di destra*. Vincenzo Pinto. Torino: Utet, 2007. e di Paolo Di Motoli (Di Motoli, Paolo. *La destrazionista: biografia di Vladimir Zeev Jabotinsky*. M&B Publishing, Milano 200

di Tel Aviv e nella marginalità storica della corrente revisionista nel contesto del sionismo ufficiale.¹¹

Sebbene la politica ed il sionismo fossero temi costanti, il periodico ospitava sulle sue pagine non solo articoli di matrice ideologica allineata al partito sionista-revisionista, ma anche contributi di oppositori ideologici (ebrei e non)¹², recensioni di libri, mostre e concerti, poesie, racconti, frammenti di romanzi, *feuilletons*, *reportages* volti a seguire la totalità della vita ebraica in tutto il mondo - dalla Russia alle Americhe, dall'Europa alla Palestina. La sorprendente varietà e diversità tematica ed ideologica dei suoi contenuti rese "Rassvet" non solo un mero canale mediatico, bensì anche un centro informale della vita russo-ebraica parigina: la redazione organizzava regolarmente dei "tè", che attiravano decine - e talvolta anche centinaia - di partecipanti, solitamente non solo membri dell'intellighenzia ebraica, ma anche esuli russi: politici *eleaders*, autori, giornalisti, editori, uomini d'affari. Questa aspirazione a coprire la totalità della vita ebraica in tutto il mondo fa di Rassvet un fenomeno unico nella storia della stampa ebraica in generale e in particolare del periodo dell'emigrazione degli anni Venti e Trenta, riflettendo nella sua impostazione la personalità poliedrica e cosmopolita dei suoi ideatori.

Non sarebbe esagerato affermare che, tra tutte le pubblicazioni "émigré", "Rassvet" fornì la copertura più completa e dettagliata della vita russo-ebraica e nel panorama della stampa russo-ebraica, non ebbe rivali - in termini di durata della vita, di gamma di argomenti trattati, di qualità dei suoi articoli, e di autorità di cui godettero i suoi scrittori, testimoniata dal numero di riferimenti al giornale non solo nella stampa d'emigrazione russa, ma anche nella stampa ebraica non russa ed internazionale.

Questo fu facilitato dalla contemporanea collaborazione dei principali giornalisti di "Rassvet" (M. Berchin, A. Kulišer, Z. Kliučevič e altri) ai giornali e alle riviste russe dell'epoca, compresi i periodici più popolari e importanti ("Poslednyenovosti", "Sovremennye zapiski", "Illustrirovannaja Rossija", "Segodnja"), ulteriore attestazione della loro professionalità e dell'apertura a tematiche di orientamento non necessariamente ebraico o sionista. Caratteristica di tutti i contributori di "Rassvet" è un'impostazione decisamente cosmopolita, testimone del retroterra che, secondo Michael Brenner, fu comune a tutto il primo sionismo nelle "componenti internazionali e cosmopolite dei suoi esordi."¹³

Tra di loro molta attenzione è stata data dalla ricerca alla figura di Vladimir Ze'ev Jabotinsky, "politico cinico e visionario a un tempo, giornalista, letterato e uomo d'azione, una delle figure più affascinanti e controverse dell'ebraismo del XX secolo", secondo la definizione della traduttrice Marta Zucchelli¹⁴, e forse l'imponenza della sua personalità ha contribuito a gettare un'ombra sui suoi collaboratori.

11 Markiš, Šimon. "Quand Vladimir Jabotinsky était parisien. Le Rassvet, revue sioniste-révisionniste langue russe", Archives Juives, vol. vol. 36, no. 1, 2003, pp. 70-88.

12 Tra gli altri ricordiamo Gor'kij ed Osorgin.

13 Brenner, Michael, *Breve storia del sionismo*, Editori Laterza, Bari 2003, p. 21. Del passaggio da cosmopolitismo a nazionalismo come espressosi nelle figure emblematiche di Nordau, Lilien e Jabotinsky ha scritto Michael Stanislawski in Stanislawski, Michael. *Zionism and the Fin de Siècle - Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. University of California Press, Los Angeles 2001.

14 Jabotinsky, Vladimir. *I cinque*, Voland, Roma 2018, p. 281.

Nonostante la centralità e l'importanza del giornale ed il suo ergersi ad esempio paradigmatico della prima emigrazione (si pensi solo al percorso Russia – Berlino – Parigi) ad esso non è stata finora dedicata una monografia accademica sul modello delle opere citate circa i suoi contemporanei a Parigi, Riga e Belgrado. Una tale monografia dovrebbe indagare il fenomeno storico stesso, la vita dei suoi autori e redattori (naturalmente, escludendo la figura dello stesso Jabotinsky, che è già stata ampiamente studiata) e il più ampio contesto mediatico europeo in cui ha operato (gli scontri con le pubblicazioni dell'emigrazione russa ed i dibattiti con la stampa ebraica francese, tedesca, inglese, italiana, ecc.). La corrispondenza superstite tra gli editori non è stata pubblicata; numerosi pseudonimi utilizzati dai contributori di “Rassvet” sono rimasti indecifrati¹⁵ e potrebbero essere svelati grazie all'identificazione di somiglianze stilistiche, tematiche ed ideologiche nei contenuti dei pezzi: un'analisi stilistica (o linguistico-stilistica) dei materiali pubblicati in esso deve ancora essere intrapresa.

Il riempimento di questa lacuna può produrre un gran numero di approfondimenti e nuovi dati nell'area del giornalismo russo-ebraico (e, più in generale, nella storiografia della diaspora russo-ebraica e di altre comunità ebraiche) in Europa nel periodo tra le due guerre, così come espandere la nostra conoscenza dell'esodo di massa degli emigrati dalla Russia bolscevica, un fenomeno di portata significativa nella storia culturale e sociale del XX secolo che includeva una rilevante componente ebraica.

ELGIN'S LOVE-GIFT: CIVIL WAR IN SCOTLAND AND THE DEPOSITIONS OF 1646

Barrett J.
The University of Aberdeen (Scotland)

Mitchell A.
Altai State University (Russia)

Аннотация: Статья посвящена монографии «Elgin's Love-gift: Civil War in Scotland and the Depositions of 1646» доктора Дж. Барретта и А. Митчелла (Phillimore, Chichester, 2007). В статье рассматриваются гражданские войны XVII в. в Англии, Шотландии и Ирландии и их последствия, повлиявшие на жизнь маленького шотландского городка Элгин, находящегося в северной провинции Морей.

Ключевые слова: Шотландия, Англия, Ирландия, гражданская война, показания свидетелей, «ковенант».

¹⁵Cfr. Korostelev, Oleg, Šruba, Manfred (ed.). *Psevdonimy russkogo zarubežja. Materialy i issledovaniya*. Moscow: Novoeliteraturnoe obozrenie, 2016.

Summary: The following essay is an abbreviation of the book by Dr. John Barrett and Alastair Mitchell in the above title, *Elgin's Love-gift: Civil War in Scotland and the Depositions of 1646* (Phillimore, Chichester, 2007). This essay considers the seventeenth century civil wars of England, Scotland and Ireland and how these wars impacted on a small Scottish town, Elgin, situated in the Northern Province of Moray.

Key words: Scotland, England, Ireland, civil war, depositions, the Covenant.

This essay considers the seventeenth century civil wars of England, Scotland and Ireland and how these wars impacted on a small Scottish town, Elgin, situated in the Northern Province of Moray.

The roots of the conflict had their origin in the unfinished constitutional problems associated with the Reformation, and also in the reign of King James VI, in whom the crowns of England and Scotland were united following the death of Elizabeth I in 1603. James's doctrine of the 'Divine Right of Kings' was enthusiastically embraced by his son, Charles I. Charles pursued his father's Episcopalian religious policies with a complete lack of his father's political sensitivity, his religious policies and manner of ruling dismayed many of his subjects throughout his Kingdoms. Charles's High-Church Anglicanism outraged puritans and offended many, even within the Church of England. Religious reforms imposed on the Scottish Presbyterian Church were perceived to undermine the Calvinist foundation of the National Kirk. The introduction of a new service book to replace John Knox's *Book of Common Order* was a step too far; a step, it seemed, along the road to the restoration of 'popery' and 'perdition.'

When Jenny Geddes launched her famous stool at the dean of St Giles in Edinburgh, she unleashed this first salvo in a barrage of Protestant protest against King Charles's high minded insensitivity. The nine month period following this event was punctuated by Service Book riots in almost every area of Scotland. Meanwhile, Presbyterian theologians and lawyers devised the National Covenant: a Calvinist manifesto for adherents to the 'true religion' and urging resistance to 'all innovations.' The Scottish Covenant, like its biblical precedent, was seen as an unbreakable contract between God and HIS people.

In 1638, the National Covenant was born. Copies were signed across the country in an atmosphere of religious hysteria. Some people, it is alleged, fainted, some shook uncontrollably, others wept tears of joy, it was even claimed that there were some that signed the bond- in their own blood- making a covenant of blood equivalent to that of Abraham or of Christ himself.

To the Presbyterian faithful, the Holy Spirit was at work, preparing God's people for the final battle between God and the forces of the anti- Christ and the end of days- when the Godly few – the elect- reap their reward for steadfast faithfulness.

It was in that same atmosphere of religious fervour that greeted the Covenant when it reached the small Scottish town of Elgin on 30 April 1638. No less a person than Andrew Cant, also known as the 'Apostle', addressed the expectant congregation in the parish church of St Giles:

thereafter the provost bailies and community altogether subscribed this covenant... baith men and wemen ... very few refusing.

The Bishop of Moray, John Guthrie, did not sign the Covenant, but his opinion did not count for much and he was soon to lose his job when episcopacy was abolished. He tried to stay on in his residence, Spynie palace, but he was eventually removed and arrested; his offences: adherence to the King's Prayer Book, engaging in simony – and of dancing in his own castle hall.

The eastern portion of the province of Moray, from the River Spey to the River Ness, followed the lead of Elgin in embracing the Covenant. Commitment to the cause was stiffened by the Presbyterian zeal of leading local gentry, including the Brodies of Brodie and Lethen, John Grant of Ballindalloch and Robert Innes of Innes. They were not alone either, as John Fraser, an Elgin citizen, undertook to be 'a drill master and to train up... volunteers...in their weapons' In June 1640, the burgh of Elgin paraded a trained band of four pickmen (drilled in the use of the 18ft pike) and eight musketeers, armed with matchlock firearms) to defend the town and the Covenant.

Meanwhile, the end times seemed delayed, as little happened to disturb the peace in Elgin- apart from some inconvenient quartering of friendly forces, including a visit from Lord Argyle himself along with:

ane hundredth men and hors.

However, there was a bit of iconoclastic destruction – when in zealous and enthusiastic obedience to a General Assembly of the Church of Scotland decision, local lairds Alexander Brodie of Brodie and Innes of Innes, along with Gilbert Ross, the minister of Elgin parish church, went to the derelict cathedral church of Elgin and with a party of workmen and following prayer, directed the workmen to demolish the carved and painted Rood screen which separated the congregation from the clergy in the medieval cathedral. The sturdy oak barrier was carved and also painted with images of saints, a crucifixion scene and a traditional doom, all under a galaxy of golden stars. The idolatrous timbers were sawn up for firewood, though subsequent legend claims that the 'sacred' timbers refused to burn in Gilbert Ross's Presbyterian hearth.

Whilst all this was happening, at a national level, power was slipping from King Charles's grasp: much of Scotland was in arms, and the turbulent English parliament refused to dissolve. To make matters worse, in October 1641 Irish Catholics rose in revolt and attacked protestant settlers, many of whom were Scottish Presbyterians. This news from Ireland quickly crossed the seaway linking Ulster with the south west of Scotland. The new medium of News-books and pamphlets published grizzly accounts of alleged catholic cruelty and stories of these atrocities were given first-hand account when a stream of protestant refugees appeared in person before the session; a record of their sufferings were inscribed in the session minutes and also, presumably their testimonies were broadcast to the congregation.

An Anna Griffith, the widow of Mr William Murray, a Presbyterian minister, received five dollars after she had testified that her husband had been crucified by the

rebels. Another refugee, a Margaret Duncan, received one dollar, as she had been crippled in both hands by the Irish rebels.

Many of the refugees had common Elgin surnames and perhaps it would not be unreasonable to presume that they came to Elgin because they had family connections with the town.

The testimonies of these refugees naturally fuelled Elgin people's Presbyterian prejudices against the Irish in particular and of Catholics in general.

By 1643, the political divisions in England had become unbridgeable and the civil war had begun in earnest. An alliance between the Scottish and English parliaments was cemented by the Solemn League and Covenant and Elgin joyfully embraced this new covenant and accepted military obligations. Town Council minutes from the period record a recruitment drive in the town offering any person who would volunteer for the Covenanter army in England 'to receive two dollars, four tailored coats and a pair of new shoes. The records do not reveal how many took up this offer.

During 1644, as the parliamentary armies seemed to be winning the war in England, King Charles made peace with the Irish Catholics and received three regiments of battle hardened troops from the Earl of Antrim to open a second front in Scotland with the objective of forcing the Scottish army in England to return home. The Irish troops were to be commanded by Alasdair '*MacColla*' MacDonald, heir to the dispossessed clan Iain Mor and a warrior in the heroic romantic tradition of Celtic legend. The army made up of disparate highland units which formed around this professional core was led by James Graham, the marquis of Montrose. '*Macolla*' and Montrose's campaign of lightening marches and stunning victories are the stuff of legend. Aberdeen, for example, was sacked in a cold blooded orgy of punitive pillage which left scores of victims. When the Royalist army withdrew from the city: over a hundred citizens lay dead in the streets and according to the Royalist historian Spalding: 'nothing was heard but a pitiful howling, crying and mourning...'

On the 2 February 1645, the Royalist army routed Alexander Campbell's, the marquis of Argyll's parliamentary army at Iverlochy and marched their victorious army up the Great Glen and into Moray. During the course of this march the Covenanter houses of Grangehill, Brodie, Culbin and Innes were all burnt and their estates stripped of cattle and corn.

Suddenly the people of Elgin found themselves in the front line of a civil war. Their military posturing of the last few years counted for nothing against a determined and ruthless professional army.

So, when the people of Elgin learned that Montrose and Alastair MacDonald and their army of Irish and Highlanders were making their way to their own town: many would have expected the worse and in the event many fled, or tactically withdrew, depending on your point of view, to the fortified palace of Spynie.

On 19 February 1645, Montrose and his lieutenant-general Alasdair MacColla led King Charles's army into the Royal Burgh of Elgin, then, after plundering the town for eleven days, they left to continue their campaign.

The Royalist army returned to Elgin in May, this time in pursuit of the Scottish Parliament's army in the north. Following a skirmish, a royalist officer James Gordon of Rhynie was wounded and left behind. Elgin's Covenanters, garrisoned at Spynie Palace, received information of Rhynie's whereabouts and four of them, with the captain of the town's militia, sought him out and killed him in his bed.

The next day, 9 May, at Auldearn, the Royalist and Covenanter armies met in earnest. As ever, the Royalists were outnumbered. As ever the Covenanters were hysterically confident of success. The Covenanter battle cry was: *JESUS AND NO QUARTER!* As ever, Covenanter hubris was misplaced. The Covenanters were routed – and they received no quarter. However, parliament's forces could afford to lose battles and still win the war, the Royalists could not.

Montrose and his army then returned to Elgin to regroup and re-supply and the burgh is plundered for a second time. The houses of the killers of Rhynie are burnt – the killers themselves were untouchable, as they hid behind the walls of Spynie Castle.

After three days of occupation, Montrose was gone, heading south to further victories at Alford and Kilsyth- and inevitable defeat at Philliphaugh, in the borders.

Meanwhile the people of Elgin counted their losses and recorded them in a stupendous 30ft long paper roll known as 'The Elgin Depositions.' This document itemises the individual and communal losses and sufferings of the townsfolk. Over two hundred households swore oaths as to their losses at the hands of the 'common enemy.'

The Elgin Depositions preserve a matchless image of the horrors of civil war; and incidentally, the document also paints an intimate portrait of a typical small burgh town in early-modern Scotland. It is clear that Elgin was unable to resist the Royalist occupations and astonishingly, given the popular reputation of Montrose's soldiers, Elgin , it would appear, suffered only one death, an Alexander Russell, a merchant, who was, as the depositions state: 'pitifully murdered by James Graham's army going to Spynie Palace in May 1645.

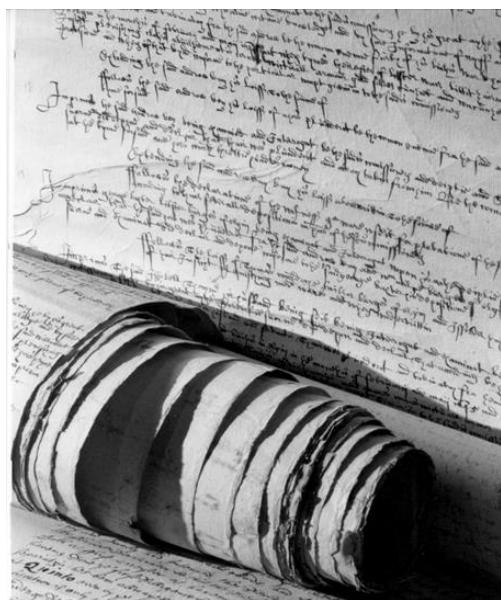
The plundering of Elgin by James Graham's Royalist Army, was it would seem, deliberate, disciplined and targeted. The soldiers were coolly focussed in their plundering. They looted the houses connected with textiles and leather, they took horses and cattle. Over the course of these occupations Elgin's monetary losses were recorded at £105,894,4 shillings Scots. An enormous sum by today's standards and of course the long-suffering people never received a penny back in compensation.

However, committed Presbyterians were at least able to find solace in the belief that they had already been graced with a reward worth more than any monetary consideration. They had received, what the Moray preacher James Fraser of Brea subsequently articulated as the 'love-gift of suffering'.

But suffering was not enough. It was incumbent upon committed Presbyterians to preserve a record of their suffering, for the edification of posterity. So accordingly, in witness of the town's steadfast faithfulness, an unnamed clerk gathered together all the loose papers of testimonies from the townsfolk, sworn before parliamentary commissioners and pasted them together into a stupendous roll. The Elgin

Depositions have provided a permanent record for posterity of communal suffering and Covenanter steadfastness.

The Elgin Depositions epitomise the literate culture of Scottish Presbyterianism. A culture and Church based on the written word. This, of course was a cultural commonality among Protestants, but particularly characteristic of Calvinism. The Presbyterian predilection for the written word gave rise to a craze for Spiritual Biography during the generation of the covenants. In Moray itself, spiritual diaries were penned by Brodie of Brodie, James Fraser of Brea and also Moray's last covenanting minister, James Allan. He wrote: '*the best of God's people have recorded his works and ways of dealing with them-even as the Lord also has a book of remembrance wherein is recorded any little thing that by his own free grace they do for him*'.

Picture 1. The Elgin Depositions

The Elgin Depositions were created to stand as a Calvinist testimony and cultural icon – a permanent record of the steadfastness of a godly community.

The sufferings of the people of Elgin were perceived as a special kind of grace, because as James Fraser of Brea asserted:

All God's ways, being wisdom and goodness, are worthy of observation; but especially those wherewith ourselves are exercised...sufferings ...are not only our duty but our privilege; to suffer for Christ is one of Christ's Love-gifts.

ON PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF MACHINE TRANSLATION

Dyachenko I.N., Matychenko Yu.V.

Altai State University

Barnaul, Russia

Аннотация: Статья посвящена машинному переводу как перспективному направлению современной психолингвистики. На современном этапе перевод считается особым видом коммуникации. Основной проблемой автоматического перевода является отсутствие у искусственного интеллекта самосознания, что свойственно типично человеческому мозгу. По утверждению авторов статьи ни одна программа машинного перевода не способна проанализировать адекватность перевода и его соответствие исходному тексту, поскольку эта способность присуща исключительно самосознанию человека.

Ключевые слова: машинный перевод, искусственный интеллект, психолингвистика, коммуникация, речь, сознание.

Abstract: The article deals with machine translation that has become one of the most perspective directions of psycholinguistic researches. Nowadays translation is considered as a specific type of communication. The main machine translation problem is the problem of consciousness that is typical only for human. The authors emphasize that no translation program can analyze correctness of the final text as soon as this is an act of self-consciousness.

Key words: machine translation, artificial intelligence, psycholinguistics, communication, speech, consciousness.

Psycholinguistics is a relatively young scientific direction and its methodological basis is only being developed that's why the lack of scientific researches is not surprising. Technological progress of the 21st century has led to the modernization of automatic translators and expanded the scope of their application [Kartseva 2012 : 156]. Therefore, the renovated machine translation has become one of the most perspective directions of psycholinguistic researches.

Psycholinguistics is a scientific direction that studies psychological and linguistic aspects of the use of language in the processes of communication and individual speech-and-thought activity [Kovshikov 2007: 9]. Psycholinguistics considers speech as a part of the inner world of the speaker. The personality of the author and his cognitive processes, that could influence his speech, are also being taken into consideration. Psycholinguistics synthesized two independent scientific trends, namely, psychology and linguistics.

Many researchers, particularly, R.K. Miniar-Beloruchev [Miniar-Beloruchev 1996 : 6], A.D. Shveitser [Shveitser 1988 : 42], V.N. Komissarov [Komissarov 1990 : 40] and etc, consider translation as a specific type of communication and the information transmitting is considered as its main purpose. This interpretation of

translation has much in common with the speech activity, the current object of psycholinguistics.

It is important to note that psycholinguistics studies human speech and the features of its production and perception, which cannot be applied to the machine and online translation. Certainly, people can understand the code that machine translator uses, e.g. different languages. But though the computer translator is able to transmit the information into another language does it mean that the program truly understands and speaks those languages? The main psycholinguistic problem of machine translation is the consciousness problem. Consciousness as the higher mental function is typical only for human and plays an important role in the translating process.

Psychologists point out three main components in the structure of consciousness:

1. One's self-knowledge. In ontogenesis, one's self-knowledge develops through the process of comparing the results of one's activity with the results of the activity of other people.

2. One's self-image is an emotional-evaluative approach of a person that is based on one's self-knowledge and one's self-perception, as well as understanding of the person's strengths and weaknesses.

3. One's self-education is progressive one's self-improvement that is based on the level of aspiration, one's self-image ("What am I like?") and the ideal self-image ("What do I want to be?") [Tutushkina 2001 : 92].

Machine translator does not have the aptitude for self-knowledge. Any artificial intelligence cannot compare the final result of the translation process with the text translated by another machine or a human translator. Consequently, the program cannot evaluate correctness and quality of the resulting text, because this is an act of self-consciousness, called reflection. Reflection as the basis of the translating process gives an opportunity to understand and transmit all the meanings of the original text adequately [Korolkova 2014 : 48]. Moreover, the computer translator will not be able to educate himself through the comparison and critical analysis of the results of translation activity as a human translator does.

One more important function of reflection is realizing oneself through the creating activity, or creativity [Gridina 2017 : 55]. Creativity appears as deviancy from the habitual and template thinking patterns. Creativity and reflection represent the ability to improvise using a comprehensive assessment of the situation that is typical only for human. In contrast, the results of the machine translating process are often determined by inner programs and commands of a computer. There is no doubt that the translation process often needs a whole creative reconstruction of some original text fragments. Artificial intelligence systems still could not create something truly new, though they could imitate this process after a longtime education.

Many modern online translators are based on a self-educating artificial neural network. Machine translation has reached a new level of its development due to the usage of this technology. However, this perspective technology of self-education could sometimes fail because the system does not have a critical perception and

cannot understand what exactly is necessary to be explored and learned. Besides, it is necessary to find an appropriate number of the examples that could illustrate any new information for more effective learning.

A human mind also has an ability for making associative series and transposing any knowledge on a similar situation, as well as a different situation. Cognitive functions in a combination with emotions give the opportunity to make links between the elements that are not linked originally. Russian psychologists L.S. Vygotsky [Vygotsky 1994 : 76] and A.R. Luria [Luria 1979 : 32] studied the link between association series, perception, memory, cognitive functions and speech.

Besides, a sense of humour is necessary for the process of translation. J.M. Tamberg highlights three elements in the structure of the sense of humour:

1. The aesthetic aspect.
2. The intellectual aspect;
3. The emotional aspect.

In the scientist's opinion, the sense of humour implies creativity, associative and logic type of thinking and imagination [Ershova 2012 : 17]. Nevertheless, even modern online translators are deprived of creativity and the ability to make emotional associative series. The irony, as well as the other semantic shades of the text, could be transmitted with the help of visual language tools, such as lexicology, grammatical elements, syntax, the extra linguistic context that would definitely demand a high level of ingenuity, even from a human translator. A machine translator would not be able to definite fun or satirical fragments in the original text and to find the way to translate them adequately.

Eventually, it must be emphasized that the automatic translation has made a great step towards its development nowadays. However, it is still early to talk about the replacement of human translators by the machines. The translation of complicated literary texts with many idioms and texts with social, or cultural, or historical subtexts can pose a serious challenge for machine and online translators.

References

1. Ershova R. V., Sharapova R. Z. Conceptions of sense of humour in psychology. // RUDN University Bulletin. No. 3. – Moscow, 2012.
2. Gridina T. A., Berseneva A. A. Linguistic training as a method of developing abilities of the preschool child // Ural Philological Bulletin, №. 2. – Yekaterinburg, 2017.
3. Kartseva E. Ju., Margaryan T. D., Gurova G. G. The development of machine-aided translation and its place in the professional cross-cultural communication. // RUDN University Bulletin. No. 3. - Moscow, 2012.
4. Kovshikov V. A., Glukhov V. P. Psycholinguistics. The theory of speech activity. – Moscow, 2007.
5. Komissarov V. N. The theory of translation (linguistic aspects). – Moscow, 1990.
6. Korolkova S. A. Reflection and translation. // Volgograd State University Bulletin, no. 2. – Volgograd, 2014.

7. Luria A. R. Language and Cognition / A. R. Luria. – Moscow, 1979.
8. Miniar-Beloruchev R. K. Theory and methods of translation. – Moscow, 1996.
9. Practical psychology. The textbook. / Edited by M. K. Tutushkina. – Saint-Petersburg, 2001.
10. Shveitser A. D. Theory of translation: its status, problems and aspects. – Moscow, 1988.
11. Vygotsky L. S. Thought and language. – Moscow, 1994.

YOUTH SLANG AND ITS ADAPTATION IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA

*Myakisheva R.A., Osokina S.A.
Altai State University
Barnaul, Russia*

Аннотация: В статье анализируется использование молодежного сленга в социальных СМИ. Даются определения понятиям «молодежный сленг» и «социальные СМИ», перечисляются их характеристики. В ходе анализа выявляются наиболее развитые семантические группы сленга, используемые в блогах, созданных молодыми людьми, и описываются способы адаптации английских слов в молодежном сленге русского языка.

Ключевые слова: молодежный сленг, социальные группы, лексико-семантические группы, заимствования, социальные СМИ.

Abstract: The article analyzes the use of slang in social media. The authors examine the definitions of the terms “slang” and “social media” and their basic characteristics. The analysis helps to find out most developed semantic groups of slang used in blogs created by young people and to understand the ways the English words and expressions are adapted by Russian youth slang.

Keywords: youth slang, social media, lexical-semantic groups, social groups, borrowings.

Slang is a terminological field, a set of special words or new meanings already in use, used in various human associations (professional, social, age groups). These are also words and expressions used by people of certain age groups, professions, classes. There are several approaches to studying slang, comparing which the concept of "slang" can be defined as follows: words used in everyday speech, however considered undesirable for use in literary language [Гальперин 1956; Липатов 2010; Partridge 2013].

With the exception of the slang use, it is emphasized that it belongs to a certain group of people. The most striking example is youth slang.

Youth slang is a social dialect of people aged 12-22, arising from opposing oneself not so much to the older generation as to the official system. It is used by urban students and separate closed reference groups [Борисова-Лукашенец 1983; Голубева 2014].

One of the most intensively developed fields of communication highly marked by the usage of slang is so called Social Media. A social media is an online platform which people use to build social networks or social relations with other people who share similar personal or career interests, activities, backgrounds or real-life connections. Social media has different forms, together with blogs, micro-blogs, social networking sites, photo-sharing sites, instant messaging, video-sharing sites, podcasts, widgets, virtual worlds, and more [Akram, Kumar 2017].

In terms of slang, blogs should be of a particular note. Blogs made by young people are full of slang expressions.

Having studied blogs created by young people, we found out that the most developed semantic fields of youth slang are "Human", "Clothing", "Appearance", "Leisure", and "Dwelling". Most of the slang components are various abbreviations, as well as their derivatives and, of course, English borrowings.

The transiency of slang, explained by the alternation of generations, distinguishes youth slang from other types of slang. Computerisation has the greatest influence on the youth slang development [Сумцова, Шевякова 2011]. When computers appeared the transfer of meaning and image received additional opportunities compared to writing and printing. "Internet slang" gradually penetrates the youth speech.

Currently, the Russian language is subject to significant influence of the English language. One of the most important trends in the development of the modern Russian language is the intensification of the use of borrowings. The role of the borrowing process in the formation of youth slang is very significant, since borrowing - both internal (from other sublanguages, regional or social dialects), and external (from foreign languages) - is the main source.

Also, a special role in the widespread use of the English loan words by young people is played by the fact that these words often have an intelligible form for the speaker, since teenagers usually know the meaning of English words, since learning English at school is compulsory.

It is worth mentioning that English words are often transformed with the help of the Russian suffixes of the corresponding parts of speech, with colloquially phonetic voicing. For example, *акк* (from the English word 'ask') - *аскать, аскатель, аскнуть, аскер*; *дринк* (from the English word 'drink') - *дринкануть, дринкать, дринкач, дринкер, дринк-команда, дринкнуть*. This phenomenon is an obviously negative factor in the influence of English on the speech of modern youth.

Scientists identify several factors affecting the development and replenishment of slang, and, consequently, several slang groups:

1. The development of computer technology and social networks, popular among young people, affects the state of slang. IT terms like *user-юзер, gamer-геймер, login-логин* have [become ingrained in our everyday lives](#).

Slang expressions are not always borrowed in the original version. Some slang words are formed by merging two or more words, for example, the word *копипастить*, which means "to copy information, mostly computer, without change, often giving it away as its own." It was formed by combining the words *copy* and *paste*.

2. Modern music and club culture, as well as the film industry have a direct impact on the young people's lives. This group includes such words as *release* - *релиз*, *playlist* - *плейлист*, *face-control* - *фейс-контроль*. Some English words were reduced during the transition, for example, the word *шоубиз* (from the English word *showbiz* (*show-business*)).

3. Mass media and television as an integral part of the young people's life also affect the state of slang. Thanks to the media, vocabulary has been replenished with such words as *prime-time* - *праймтайм*, *talk-show* - *ток-шоу*, *image-maker* - *имиджмейкер*.

4. The names of popular sports are also borrowed into the Russian language. This group includes the following borrowings: *fitness* - *фитнес*, *bodybuilding* - *бодибилдинг*, *shaping* - *шейпинг*. These items are widely used by young people because of the "cult of the perfect body" promoted in the West.

5. Terms of manufacturing introduced by workers in various fields of professional engagement: *marketing* - *маркетинг*, *leasing* - *лизинг*, *broker* - *брокер*, *manager* - *менеджер*, *promoter* - *промоутер*.

6. The development of fast food chains has led to the appearance of some slang words, such as *fast-food* - *фаст-фуд*, *cheeseburger* - *чизбургер*, *hot-dog* - *хом-дог*. Similar words in the Russian people's speech began being used back in the 90s. in connection with the opening of the first convenience stores. Slang words of this group are also subject to reduction: *макдак* (from the English word *McDonald's*).

7. The most numerous slang group appeared due to the desire to imitate the lifestyle of the American and English youth. Words included in it are used in everyday communication and everyday life: *boyfriend* - *бойфренд*, *weekend* - *уикенд*, *party* - *паму*, *loser* - *лузер*, *baby* - *бейби*, *go* - *гой*. Some of these items are no longer regarded as slang, because they are firmly fixed in our vocabulary.

When borrowings are assimilated in a language, they almost immediately acquire the graphic appearance of the borrowing language written system.

Computer slang researchers provide a variety of classifications of the computer slang formation with the help of borrowings. They include only six ways, we should turn to them. They are the following:

1. Morphological transfer. Slang sources can also include professional terms of the English origin, which are often transmitted with Russian pronunciation: *хард-драйв*, *хард-диск*, *хард* (from the English word *hard drive*); *коннект* (from the English word *connecting*) and *коннектиться* (from the English word *to connect*). The subclass of this method includes words from the English slang, which entrenched in the Russian slang, bypassing the chain: the English term - processing - the Russian slang. For instance: *ламер* (the English slang word *lamer* which is a user whose self-esteem is much inflated); *зук* (the English slang word *geek* i.e. a person who is keen

on computer technology); *баг* (the English slang word *bug* - a program error). When borrowing are assimilated, suffixes are added: *демо* (from the English word *demo*) - demoversion of a program, *сидюк* (from the English abbreviation *CD*) - CD-drive; or the basis of the English word is shortened: *комп* (from the English word *computer*). Prefixes can be added: *приконнектиться, заюзать*, etc. Similarly to the Russian words, foreign verbs get conjugations, nouns change their endings.

2. Phonetic mimicry. This method is based on the sound coincidence of semantically dissimilar common words and English computer terms. They are in relation to partial homonymy with some nationwide words: *дроба* - *драйверы* (drivers), *ось* - *OS* (operating system); *мыло* – e-mail.

3. Translation. This method is a translation of a word from English into Russian: *окна* (from *Microsoft Windows*) - the operating system; *синий экран смерти* (from the English *Blue Screen of Death*) - the text of a critical Windows error message on a blue background; *корень* (from the English word *root*) - root directory; *синий зуб* (from the English *bluetooth*) – wireless networks. Here, the translated words have already entered the language, so slang is formed accordingly to the traditions of the Russian language: *оперативка* (from the English *random access memory*) - write memory; *сетеvуха* (from the English *network interface card*) - a network interface card; *звуковуха* (from the English *audio card*) - sound card. It should be noted that not only terminology is translated, but also slang is. For example, Russian computer scientists call *http* (abbr. from the English *HyperText Transfer Protocol*) *горячая картошка* because in English computer slang they use the designation *hot potatoes*; although in this case, morphological transfer is used more often.

4. Loan translation is the reproduction of the word morpheme by morpheme. *Мелкомягкий* is the loan translation of *Microsoft* company name. It is quite rare, most often the words are translated entirely.

5. Reverse transliteration. The method is unique and fixes isolated cases. It appeared due to the fact that the spelling of many letters in the Russian language coincides with those from the Latin alphabet. For example, *XP* is the name of one of the Windows operating systems. If you read the letters that make up the word in accordance with the rules of the Russian language, you get [xp]. So Russian computer scientists have introduced the designation *Хрюша*.

6. Combining various methods involves the merging of morphological transfer with phonetic mimicry. For example: *юзеръ* – derogatory designation of the user, from the English *user* and the Russian word *зверь* (a beast); *тырнет* – *the Internet*, as a means of copying information, (from the English word *Internet* and the Russian word *тырить* - *to pilfer*). The appearance of this method is due to the fact that slang is a very flexible system, which is not limited to any specific rules and everything depends only on the speaker's imagination.

Among all these methods, morphological transfer is dominant, since it does not require any translation or fantasy. To make it convenient, one can shorten a word or add a suffix to it, to introduce a new word into daily speech. The translation method is very important for the Russian language. It allows you to get the "native" word, which is convenient in all respects, as well as to expand the terminology without

clogging it with foreign words. The most interesting way, of course, is the phonetic mimicry.

In conclusion it should be said that social media are growing in popularity among young people more and more. In communication they actively use slang words to convey their ideas. There are some factors that influence the appearance and existence of slang. Among them the development of computer technology and social networks, music and club culture can be mentioned. Most of the slang words used by young people are the English borrowings, assimilated in different phonetical and morphological ways. Affixation is the most productive one, so the words assimilated in this way make the most numerous category.

The youth use the English borrowings because these words are easily recognized since learning English is of obligation at Russian schools. However there is a tendency to erroneous use of some words due to the fact that the youth fail to know the real meaning of these words. So the studies should be continued and entrenched to help raise the level of youth's awareness about slang.

References

1. Борисова-Лукашенец, Е.Г. О лексике современного молодежного жаргона (Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60-70-х годов) / Е.Г. Борисова-Лукашенец // Литературная норма в лексике и фразеологии / Отв. ред. Л.И. Скворцов, Б.С. Швацкопф. – М.: 1983. – С. 104-120.
2. Гальперин, И.Р. О термине "сленг" / И.Р. Гальперин // Вопросы языкоznания. – 1956. – № 6. – С. 107-114.
3. Голубева, П.Д. Современный молодежный сленг / П.Д. Голубева // [Технологический центр](#) (Шуя) – 2014. – С. 3
4. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолингвистики: монография / А.Т. Липатов // М.: 2010. – 318 с.
5. Голуб, И.Б. Современный русский язык / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
6. Сумцова О.В. Влияние английского языка на формирование компьютерного сленга в русском языке / О.В. Сумцова, Т.Ю. Шевякова // Молодой ученый. – 2011. – №4. Т.1. – С. 240–242.
7. Akram, W. A Study on Positive and Negative Effects of Social Media on Society / W. Akram, R.Kumar // International Journal of Computer Sciences and Engineering. – 2017. – Vol.5 (10). – С. 4
8. Partridge, E. Slang To-Day and Yesterday. Monograph - London: Routledge and Kegan Paul Ltd, 2013. 492p.